

**Российское общество социологов
Российская социологическая ассоциация**

**Бюллетень
Региональных
Социологических
Исследований**

№ 4 (8) Октябрь—декабрь 2010

Научная библиотека

В данном выпуске бюллетеня представлены работы не только орловских социологов, но и их коллег из других регионов центра России. Читатели сумеют убедиться, что многие проблемы волнуют регионы в одинаковой степени и, соответственно, социологи их исследуют, обобщают и предлагают искать пути решения этих проблем. Но есть в регионах и своя специфика, которую можно уловить из отдельных публикаций. И то и другое интересно при региональных сопоставлениях.

Ключевой темой данного номера стала проблема общественного сознания в ее отдельных проявлениях на примере исследований, проведенных в двух регионах. Эта тема исследуется со стороны изучения субкультуры бедности и национально-культурной идентичности в современной России, а также в определении места интеллигенции в формирующемся гражданском обществе.

В этом номере продолжено представление материалов по исследованию социально-экономических процессов, в частности, роли малого бизнеса в экономике страны и региона.

Традиционная стала тема исследования студенческой среды, продолжена рубрика исследований соискателей ученых степеней.

Бюллетень может быть полезен представителям органов власти различного уровня, руководителям организаций, научным работникам, аспирантам, студентам и всем, кто в той или иной степени использует результаты социологических исследований в своей деятельности, а также тем, кому интересно научно выверенное и обобщенное общественное мнение жителей нашего региона.

Редакция:

А.А. Хохлов – главный редактор, доктор социологических наук, профессор

В.В. Печенкина – заместитель главного редактора, кандидат экономических наук

Т.С. Балховитина – заместитель главного редактора по работе с регионами, директор Брянского филиала ГОУ ВПО «Орловская региональная академия государственной службы», кандидат политических наук, доцент

С.Н. Косарецкий – ответственный редактор

Т.В. Игнатова – кандидат социологических наук, доцент

Л.М. Перевозкин – кандидат экономических наук, профессор

Н.В. Проказина – кандидат социологических наук, доцент

Т.П. Устинова – руководитель территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Орловской области

Адрес редакции:

302020, г. Орел,

Ульянов Воблицы, 5-а

Климакский телефон-факс:

(4002) 47-53-35

E-mail: brsl57@gandax.ru

Содержание

Вступительная статья	4
Общественное мнение	
Ю.В. Кабра. Влияние субкультуры бедности на систему социальной ответственности безработных в современной России	4
М.В. Шуклинова. Национально-культурная идентичность в современной России.....	25
А.А. Алексеенок. Место интеллигенции в формирующемся гражданском обществе	35
С.В. Карпикова. Роль и место бизнеса и проблемы его статистической оценки	39
С.Н. Макаров. Ценностные ориентации и управленческие доминанты современной студенческой молодежи	45
Н.В. Мироненко, Е. Канатникова. Информационные предпочтения студентов в социальных сетях	48
Социология управления	
Г.В. Макарова. Профессиональное развитие государственных гражданских служащих в условиях административной реформы	51
Социальная статистика	64
Публикации соискателей ученых степеней	
А.А. Пушков. Политическое участие молодежи в современном политическом процессе	70

Влияние субкультуры бедности на систему социальной ответственности безработных в современной России

Ю.В. Каира, кандидат социологических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий в менеджменте ОРАГС

Основу эмпирической базы данной работы составило авторское панельное исследование безработных города Орла, которое проводилось в августе-сентябре 2005, 2007 и 2009 гг.

Генеральную совокупность эмпирического исследования составили ранее работавшие безработные всех районов г. Орла, зарегистрированные в службе занятости населения. В генеральную совокупность не вошли выпускники учебных заведений без опыта работы и безработные-инвалиды.

Инструментарий эмпирического исследования был направлен на выявление следующей информации о безработных, объединенной в 4 блока:

1) безработные как социальная группа (продолжительность безработицы, причина увольнения, должность на последнем месте работы);

2) социально-демографические данные (пол, возраст, состав семьи, уровень образования);

3) социально-экономические характеристики (потребительский статус, величина среднедушевых ежемесячных денежных доходов, субъективные оценки величины прожиточного минимума, уровней бедности, нормы и богатства);

4) социальные индикаторы (самоидентификация, индекс социального отчуждения), в т.ч. диспозиционные (стратегии поведения в ситуации бедности и оценка ее причин, а также структура субъектов социальной ответственности за бедность).

Наибольшая часть респондентов (46,8%) оказалась без работы в результате сокращения или ликвидации предприятия, т.е. под воздействием внешних факторов. По собственному желанию стали безработными 29,2% опрошенных. Еще 12,9% – по соглашению сторон или в связи с окончанием срока действия договора – и 5,8% покинули рабочие места по состоянию здоровья.

Каждый пятый опрошенный занимал руководящую должность на последнем месте работы. Почти половина безработных были служащими или специалистами. Свыше 30% занимали рабочие должности. Специалисты гуманитарного профиля (10,7%) по сравнению с безработными, занимавшими другие должности, приписывают индивиду наибольшую долю ответственности за бедность (19%), а федеральным органам государственной власти – наименьшую (38%). Руководители низшего звена (5,8%), напротив, склонны в большей степени обвинять Правительство и Государственную Думу в бедности отдельного человека (53%) и в меньшей степени – самого индивида (15%).

Мужчины более конкурентоспособны на рынке труда, чем женщины. Дискриминацию как фактор бедности отмечают 72,1% респондентов, имея в виду ущемление прав при приеме на работу именно по половому признаку. Если среди безработных менее 1 месяца 1/3 мужчин, то среди безработных свыше 1 года (хронических безработных) мужчин лишь 1/6. При этом среднее значение уровня образования практически совпадает: среди мужчин несколько больше безработных без профессионального образования и с высшим профессиональным образованием, среди женщин – с начальным и средним профессиональным образованием.

Средний возраст опрошенных безработных – 40 лет при разбросе от 19 до 54 лет у женщин и до 59 лет у мужчин.

Безработные относятся к традиционным категориям бедного населения. В связи с этим одной из задач эмпирической части исследования было выявление материального положения домохозяйств безработных и их представлений о различных уровнях доходов. Представления безработных о прожиточном минимуме сопоставлены с установленным прожиточным минимумом для Орловской области.

Государственным критерием бедности является установленный прожиточный минимум, рассчитываемый территориальными органами государственной статистики по каждому субъекту Российской Федерации. При отнесении среднего значения величин среднедушевых ежемесячных денежных доходов семей безработных г.Орла, определенных респондентами в ходе опроса, к установленному прожиточному минимуму, доля бедных составила 60,5%.

Основная доля опрошенных (74%) оценивала свой потребительский статус на уровне ниже среднего: "На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения", и на среднем уровне: "Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования затруднительна". Еще почти 15% оценивали потребительский статус своей семьи на низшем уровне: "Еле-еле сводим концы с концами". Если в качестве критерия бедности принять потребительский статус: "Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования затруднительна", то бедными являются 52,3% семей безработных г. Орла.

На основе оценок уровней бедности, прожиточного минимума, нормального уровня и богатства в сравнении со среднедушевыми ежемесячными денежными доходами семей безработных рассчитана доля бедных, т.е. фактическая доля населения, имеющего, согласно данным опроса, текущие денежные доходы ниже их собственных оценок уровней бедности, прожиточного минимума, нормального уровня и богатства.

Богатыми свои семьи практически никто из опрошенных безработных не считает. Живущими нормально считаются менее 5%. Доля безработных, оценивающих среднедушевые ежемесячные денежные доходы своей семьи на субъективно определенном минимальном уровне или выше него, составляет 13,2%. Половина безработных (50,4%) оценивают уровень ежемесячного дохода на одного члена семьи ниже не только установленного прожиточного минимума, но и субъективно определенного уровня бедности.

В исследовании "Богатые и бедные в современной России" [1] для идентификации богатых и бедных были использованы субъективные критерии, которые основывались на установленных в ходе исследования представлениях населения о том, что характеризует образ жизни богатых и бедных семей.

Богатыми считаются те, чей образ жизни характеризуется следующим: высокое качество жилья, в частности, проживание в коттедже или особняке и наличие второго жилья; наличие большого объема дорогостоящего имущества, в частности, дорогого автомобиля, домашнего кинотеатра, импортных тренажеров, кондиционеров, антенны спутникового телевидения, посудомоечной машины и т.п.; активное пользование разнообразными платными услугами (образовательными, медицинскими, рекреационными, зарубежными туристическими поездками и т.п.); наличие сбережений, достаточных, чтобы прожить на них не менее года, и т.д. В целом по России образ жизни, который соответствует массовым представлениям о богатых слоях населения, имеет, судя по результатам проведенного исследования, около 5 % населения.

Бедными считаются те, чей образ жизни характеризуется следующим: плохое питание; дефицит одежды и обуви; плохие жилищные условия (отсутствие своей квартиры/дома или наличие менее 10 кв. м общей площади на человека); отсутствие какой бы то ни было недвижимости (дачи, земли, гаража и т.д.); невозможность пользоваться платными услугами, прежде всего, медицинскими и образовательными; отсутствие тех видов имущества, которые для подавляющего большинства населения России (80 %) сегодня являются общепринятыми. Кроме того, характерными признаками образа жизни бедных для большей части жителей России выступают невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести свое свободное время так, как хочется, а детям – добиться того же, что и большинству их сверстников.

Как показало данное исследование, бедность для 90 % граждан России – это такой уровень жизни, который немного ниже их собственного. Иначе говоря, взгляды населения на то, где проходит "черта бедности", сильно зависят от их собственных доходов. Таким образом, граждане России определяют состояние бедности, используя относительный критерий, в то время как официальная статистика использует абсолютный критерий бедности.

Одной из задач нашего исследования являлось выявление структуры факторов бедности на основе субъективных оценок безработных г. Орла. Актуальность задачи группировки факторов бедности для безработных г. Орла основана на предположении о дифференциации их субъективных оценок различными категориями населения. Заложенный в инструментарию набор факторов бедности основан на опыте отечественных и зарубежных эмпирических исследований [5] и состоит из 19 факторов, объединенных в 4 группы: индивидуалистическая, структурная, субкультурная, фаталистическая. Для группировки причин бедности использован факторный анализ (метод выделения – анализ главных компонент, метод вращения – варимакс с нормализацией по Кайзеру), реализованный в программе SPSS.

В таблице 1 представлено мнение безработных орловцев о факторах бедности.

Таблица 1

Факторы бедности в представлениях безработных, сгруппированные методом факторного анализа (2005 , 2007, 2009 гг.)

Фактор бедности	Значимость фактора		
	Высокая	Средняя	Низкая
Индивидуалистическая группа факторов			
нерациональное распоряжение деньгами	26	33	41
лень, готовность скорее ограничить себя во всем	26	33	41
недостаток таланта и способностей	18	33	49
низкий уровень образования, квалификации	33	30	37
Структурная группа факторов			
просчеты в системе государственного управления	69	27	4
присвоение привилегий чиновниками и богатыми людьми	78	16	6
нехватка подходящей для бедных работы	66	19	15
дискриминация по какому-либо признаку	37	35	28
традиционная, укоренившаяся бедность в масштабе страны	59	27	15
недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению	64	21	15
Субкультурная группа факторов			
наличие большого числа иждивенцев	33	22	45
аморальный образ жизни (алкоголизм, наркомания)	56	16	28
миграция, вынужденное переселение	29	25	46
семейные неурядицы, семейная неустроенность	33	33	34
проживание в экономически неблагополучном регионе	30	30	41
болезнь и физические дефекты	44	25	31
Фаталистическая группа факторов			
низкий уровень жизни родителей	37	31	31
отсутствие поддержки родственников, друзей, знакомых	29	27	44
фатальное невезение, рок	17	32	51

Рассматривая факторы индивидуалистической группы, большая часть безработных г. Орла (от 37% до 49%) отвергают их как возможные причины бедности. Поддержку большинства имеет лишь один фактор – аморальный образ жизни (алкоголизм, наркомания).

Почти все факторы структурной группы (за исключением дискриминации) свыше 2/3 безработных г. Орла однозначно рассматривают как причины бедности.

От 56% до 72% безработных частично или полностью соглашаются с факторами субкультурной группы как возможными причинами бедности.

Два из четырех факторов, отнесенных к фаталистической группе, рассматриваются безработными орловцами как причины бедности. Болезнь и физические дефекты, хотя и рассматривается большинством респондентов как возможная причина бедности, почти каждый третий так не считает. Наряду с этим, главный фактор фаталистической группы не признается причиной бедности половиной опрошенных безработных.

Приведение ответов безработных г. Орла о причинах бедности к стандартизированной 3-балльной шкале без варианта "затрудняюсь ответить", обратной относительно шкалы в анкете (1 – не может являться причиной бедности, 2 – отчасти, 3 – может являться причиной бедности) позволяет окончательно установить преобладание структурной группы причин бедности в сознании безработных (диаграмма 1).

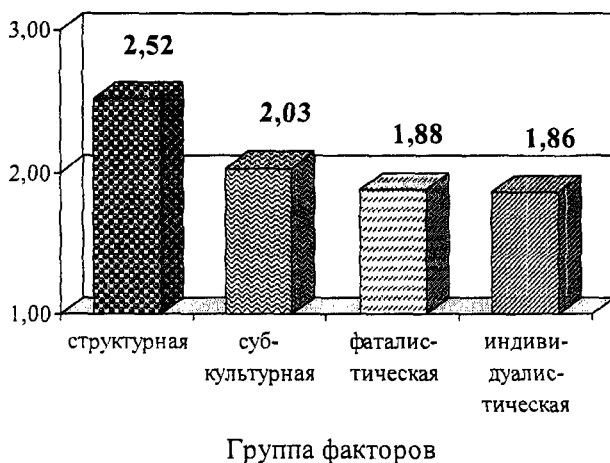

Диаграмма 1. Средние значения ответов респондентов по 3-балльной шкале детерминации бедности факторами различных групп

Наряду с доминированием структурной группы факторов бедности в сознании безработных, обусловленным, главным образом, объективными обстоятельствами (высокий показатель дифференциации населения по уровню доходов, низкий уровень минимальной оплаты труда, дискриминация по полу и возрасту), факторы, выделенные в индивидуалистическую группу, оказывают на бедность наименьшее влияние: свыше 40% безработных г. Орла считают, что нерациональное распоряжение деньгами, недостаток способностей, ленность не могут являться причиной бедности. Такая диспропорция факторов бедности объясняется особенностями российской культуры и субкультуры бедности.

Основу российской культуры бедности составляет сочувственное отношение к беднякам и нестабильность богатства, кроме того, вследствие перехода к рыночным отношениям сама культура и менталитет россиян до сих пор нестабильны и находятся в процессе преобразований. Именно жесткие требования к работе (низкая оплата труда, неудобный график работы, удаленность места работы от дома, плохие взаимоотношения в коллективе и с руководством, неинтересная работа, понижение социального статуса, сложность и ответственность работы и т.д.) и, как следствие, длительное пребывание в ситуации безработицы, являются основным индивидуалистическим фактором бедности для трудоспособного населения.

Таким образом, развитие социальной ответственности за бедность является главным резервом повышения значимости факторов индивидуалистической группы, следовательно – главным ресурсом выхода из ситуации бедности.

Именно повышение приоритета индивидуальных усилий в решении задачи преодоления бедности, приобретающей черты “национальной идеи”, является крайне актуальной не только для безработных, но и для любой категории бедных в российском обществе.

Соблюдение каждым субъектом в обществе своей доли социальной ответственности, с одной стороны, требует определённого уровня гражданского самосознания, а с другой, должно быть привлекательно и выгодно. Для обеспечения функционирования и развития системы социальной ответственности, на наш взгляд, требуется следующее. При взаимодействии предпринимателей между собой и с государством требуется не только добрая воля, но и понимание перспектив на будущее и учёт ситуации. При взаимодействии наёмных работников и профсоюзов между собой, а также с государством требуется способность отстаивать свои интересы, умение пользоваться своими правами и достаточно высокие моральные ценности, позволяющие ограничивать свободу действий чувством ответственности за свои обязанности.

Культура бедности, равно как и культура богатства, в современной России находится в определенном противоречии с социокультурными традициями, менталитетом российского народа. Это противоречие заключается в восприятии бедности и богатства в контексте перехода общества к рыночным, капиталистическим отношениям.

Бедность выступает в российской традиции как добродетель, в то время как богатство – это нечто сомнительное и осуждаемое, противоречащее традиционному аскетизму, вошедшему в общую культуру русского народа.

Современная действительность, в противоположность традиции, направлена на трактовку бедности как унижительного состояния, и даже в том случае, когда состояние бедности не зависит от самого человека (например, положение пенсионеров, работников бюджетной сферы и некоторых отраслей народного хозяйства в современной России). Навязываемое общественному сознанию восприятие богатства, напротив, представляется как добродетель, свойственная всему цивилизованному миру. При этом не учитывается состояние легальных путей увеличения благосостояния. Следует отметить, что популяризация ценностных установок на приоритет материального потребления происходит на фоне массового обеднения населения страны.

В общем и целом субкультура бедности россиян характеризуется следующим:

- неприятие в добросовестный, честный труд как средство выхода из ситуации бедности и достижения благосостояния;

- отсутствие честолюбивых установок, в частности – на получение доступа к власти, качественного образования, престижной работы, на создание собственного дела, а, в общем и целом, – отсутствие жизненных целей как таковых;

- профессиональные интересы состоят в стремлении получить как можно более высоко оплачиваемую работу в ущерб личной заинтересованности в работе и увлеченности ей; при этом показатели содержательности работы низки, а перспектива карьерного роста зачастую отсутствует; кроме того, условия труда мало комфортны; также следует отметить низкую степень индивидуальной активности по самостоятельному повышению квалификации и расширению профессиональных способностей;

- узость форм досуга бедных и ограничение участия в неформальных механизмах социальной интеграции вследствие коммерциализации и относительного подорожания форм досуговой активности, наряду с определенными интеллектуальными требованиями (театр, кино, спортивные секции, клубы, увеселительные заведения и др. как внедомашние формы досуга и компьютер, видео, музыка, телевизор и др. домашние формы досуга).

Сочувствие и жалость, как доминирующие в российском обществе чувства по отношению к бедным (68,7% – у всего населения и 67,7% – у бедных), в немалой степени объясняются не только объективно неудовлетворительным состоянием последних, но и тем, какими видят бедных россияне. Для основной массы наших сограждан бедные – это люди в основном добрые, терпеливые, совестливые, законопослушные и трудолюбивые. Вместе с тем, портреты бедных в массовом сознании очень заметно различаются в зависимости от уровня доходов. И если для 40% наименее обеспеченного населения страны главным качеством бедных выступает доброта, то для 20% наиболее обеспеченных граждан – пассивность и инертность.

Результаты наших исследований свидетельствуют о начале процесса формирования субкультуры бедности, выражающемся в соответствующем социальном самочувствии:

- 2/3 бедных постоянно испытывают ощущение несправедливости всего происходящего вокруг;

- более 1/2 полагает, что так дальше жить нельзя, и одновременно чувствует собственную беспомощность из-за невозможности повлиять на происходящее;

- только немногим более 1/3 бедных чувствует надежную поддержку близких и коллег; знают, что, если понадобится, они всегда придут на помощь.

Таким образом, большинство бедных находится в состоянии постоянной фрустрации, не ощущая при этом надежной поддержки извне.

Социальная ответственность, являясь важнейшим компонентом субкультуры бедности, определяет социальное поведение индивида. Для человека, находящегося в ситуации бедности, ключевой составляющей социального поведения является стратегия совладания с этой ситуацией. Выбор

той или иной стратегии зависит от уровня социальной ответственности индивида.

Социальная ответственность личности за бедность определяется и распространяется в первую очередь на её ближайшее социальное окружение – на людей, ведущих общее с данным индивидом хозяйство. Таким образом, говоря о стратегиях личности по преодолению (или противостоянию) ситуации бедности, нельзя не учитывать, что эти стратегии совпадают со стратегиями домохозяйства, в которое личность включена.

В общем и целом, касательно перспектив и реальных стратегий преодоления бедности, необходимо отметить следующее. Хроническая нехватка денег, отсутствие сбережений, стратегически значимого имущества, социальных связей, которые можно дополнительно использовать в процессе выживания, препятствуют выстраиванию российскими бедными каких-либо долгосрочных самостоятельных стратегий преодоления трудной материальной ситуации, в которой они повседневно находятся. В результате ограничение потребительских возможностей бедных возрастает, и этот процесс лавинообразно затрагивает самые разные стороны их жизни. Если незначительные ресурсы бедных, неспособные обеспечить им самостоятельную адаптацию и преодоление трудной материальной ситуации, будут и дальше истощаться, то углубление социальной деградации и маргинализации, а, следовательно, рост угрозы тех или иных кризисов и социальных конфликтов в российском обществе неизбежны.

Поскольку структурные факторы бедности имеют приоритетное значение, постольку расширение доступа к эффективной занятости, пополнению и росту материальных и социальных ресурсов, выравнивание крайне дифференцированных шансов на социальный успех различных групп населения – центральные задачи борьбы с бедностью, приоритетные направления социальной политики.

Эмпирически с использованием метода факторного анализа подтверждены теоретические предпосылки о доминировании структурных факторов в факторной модели бедности городских безработных над субкультурными, фаталистическими и индивидуалистическими. Привилегированный статус государственных служащих и богатых членов общества, ошибки государственного управления, недостаток рабочих мест и малый размер государственных социальных пособий являются главными детерминантами бедности. Безработные не считают, что лень, низкая квалификация и нерациональное распоряжение деньгами, выделенные в индивидуалистическую группу факторов, могут существенно влиять на преодоление ситуации бедности. Вместе с тем, в предначертанность жизни в бедности не верят свыше половины респондентов. В связи с этим для предотвращения расширения субкультуры бедности, выявлена необходимость в развитии личностной социальной ответственности за бедность. Результаты вторичного анализа данных социологических исследований подтверждают, что почти половина россиян (49,1%) уже привыкла действовать самостоятельно, в "автономном" режиме и особо не рассчитывает на помощь и поддержку со стороны властей. Несмотря на влияние субкультуры бедности, безработные имеют установку на активные стратегии поведения: 69% опрошенных настроены

на поиск работы, 32% – на повышение квалификации, 29% – на повышение интенсивности труда, что позволяет сделать вывод о высоком потенциале безработных для выхода из ситуации бедности. [1]

В условиях доминирования структурных факторов бедности развитие системы социальной ответственности безработных, как категории бедных, является главным резервом повышения значимости индивидуалистических факторов и главным ресурсом преодоления влияния субкультуры бедности.

Особое внимание хотелось бы уделить особенностям системы социальной ответственности безработных как категории бедных.

Прежде чем приступить к исследованию социальной ответственности и рассмотрению бедности как её объекта, следует определить параметры общей модели взаимоотношений личности, общества и государства и раскрыть особенности этой модели в современном российском социуме.

Под моделью взаимоотношений личности, общества и государства мы имеем в виду совокупность ценностей, взглядов и оценок, которых придерживается большинство населения, выраженную в определенных социальных механизмах, как то: социализация, саморегуляция межличностных взаимоотношений, традиции разрешения конфликтных ситуаций и т.д.

Российская социокультурная модель взаимоотношений человека и общества предполагает приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство, над интересами личности. При этом личность сохраняет право отстаивать свои интересы, а государство обязано учитывать при выработке общего направления развития общества все многообразие интересов членов общности. Личные свободы и демократические формы организации общественной жизни и разрешения конфликтов, хотя и важны для значительной части россиян, в такой модели взаимоотношений государства, общества и личности все же не являются решающими.

В России государственная власть традиционно играла более активную роль по отношению к обществу, чем в подавляющем большинстве западных стран. Установка на "особую роль государства" в России исторически закреплена в сознании, как народа, так и власти.

Особенность модели взаимоотношений личности, общества и государства в Западной Европе и Северной Америке заключается в том, что государство не заботится об абстрактном "благе народа", а выступает гарантом интересов именно личности в ее взаимоотношениях с обществом, гарантом реализации отдельно взятым индивидом своих прав и свобод. Сам индивид использует последние, чтобы реализовывать свои интересы, не дожидаясь пока о них позаботится государство.

Существующая в России принципиально иная модель взаимоотношений личности, общества и государства, чем в Западной Европе и Северной Америке, не означает тяги к тоталитарному обществу. Легитимно и вправе требовать от личности подчинения своих интересов общественным для россиян только такое государство, которое будет соблюдать не интересы государственного аппарата, как бы их ни называли и какими бы красивыми лозунгами они ни прикрывались, а интересы общности, отражаемой понятием "народ". Соответственно, и среди функций государства россияне

в первую очередь выделяют те, которые связаны с обеспечением условий для выживания и, что очень важно, саморазвития этой общности.

Государство персонифицируется, прежде всего, в представителе верховной власти. Государственный аппарат россияне заведомо воспринимают как неизбежное, но необходимое зло. И не случайно низкий рейтинг всех конкретных государственных институтов у населения стал общим местом во всех социологических исследованиях, затрагивавших эту тему. Соответственно, в его хитросплетениях, дублирующих друг друга службах, непрерывной борьбе за "перераспределение компетенций" люди в большинстве своем не ориентируются и не хотят ориентироваться. Кстати, несовместимость такой модели отношения личности к государству с основными принципами гражданского общества в немалой степени связаны сложности формирования последнего в России.

Модель непосредственных, основанных на персонификации власти, взаимоотношений государства и общества, составляющая сегодня социальный запрос россиян к власти, далека от современной российской действительности, в которой государство и общество находятся в состоянии односторонних воздействий, а не взаимодействий.

Личность в общественном мнении россиян имеет достаточно большие права, а свобода и даже демократия для населения России относятся к числу значимых ценностей. Право личности на отстаивание своей позиции имеет для россиян один весьма существенный ограничитель – оно не должно создавать реальной угрозы обществу, а еще точнее – способствовать возникновению ситуаций, нарушающих общественную безопасность, т.е. провоцировать беспорядки и применение насилия. Ненасильственный характер методов разрешения возникающих конфликтов выступает для российской культуры сегодня важнейшей предпосылкой того "общественного договора", на котором строятся взаимоотношения общества и власти.

Таким образом, весь механизм социального регулирования в силу целого ряда причин носит в России конвенциональный или договорной, взаимообуславливающий характер (фактически сводясь к формуле "если вы так, то и я так"), установка на взаимное неприменение насильственных методов становится важнейшей основой стабильности и относительного спокойствия в обществе. Свобода личности ограничивается для россиян ее правом "быть услышанной" при выработке некоего единого, отражающего интересы народа в целом, вектора развития страны, а не необходимостью руководствоваться интересами отдельных личностей (или меньшинств) в противовес обществу или, тем более, их правами отстаивать свои права, создавая реальную угрозу для общественного спокойствия. В этой связи взаимная социальная ответственность личности, общества и государства приобретает дополнительную актуальность.

Различные категории безработного населения по-разному определяют соотношение субъектов в структуре социальной ответственности за бедность, т.е. возлагают различную степень ответственности за бедность на себя, свое ближайшее социальное окружение, общество в целом, городскую администрацию или на федеральные органы государственной власти.

В нашей работе мы исходили из того, что бедность, как объект системы социальной ответственности, формирует структуру субъектов, состоящую из трех основных элементов:

- 1) личность;
- 2) общество, представленное как:
  - а) ближайшее социальное окружение
  - б) общественная система;
- 3) государство, представленное как:
  - а) органы местного самоуправления (муниципальный уровень власти)
  - б) федеральные органы государственной власти (федеральный уровень власти).

При анализе эмпирических исследований городских безработных, как категории бедного населения, мы исходили из того, что продолжительность безработицы является основной детерминантой, определяющей социальные и социально-экономические характеристики. На диаграмме 2 представлены структуры субъектов социальной ответственности за бедность безработных с различной продолжительностью безработицы, определенных по следующей методике.

Предлагаемая методика определения структуры детерминантов бедности на основе субъективных оценок содержит набор из 5 субъектов социальной ответственности.

Целью предлагаемой методики является выявление иерархии приоритетов субъектов социальной ответственности за бедность в сознании заранее выделенной определенным методом группы респондентов. Идея методики состоит в выявлении частных предпочтений или установок социальной группы посредством усреднения дихотомического выбора респондентов-членов группы при парном сравнении вариантов по принципу "каждый с каждым".

Количество парных сравнений (т.е. количество строк в таблице анкеты) определяется по формуле:

$$k=(n^2-n)/2,$$

где, n – количество сравниваемых вариантов, являющееся порядком матрицы предпочтений.

В соответствии с формулой сравнение 5 вариантов по принципу "каждый с каждым" требует включения в анкету 10 вопросов дихотомического типа в табличной форме, а сравнение 6 вариантов – 15 вопросов. Целесообразно определить не более 6 вариантов для сравнения, хотя даже 10 вопросов в единой таблице может вызвать определенные затруднения при опросе.

Каждая пара сравниваемых вариантов кодируется отдельной переменной, а каждый вариант в паре – одной из двух цифр, например: 0 и 1, 1 и 2 или др.

В нашем исследовании вопрос анкеты: "Сравните, кто больше ответствен за бедность отдельного человека?" направлен на выявление иерархии предпочтений по следующим 5 вариантам:

- 1) сам человек (индивид);
- 2) родственники, друзья, знакомые (ближайшее социальное окружение);
- 3) общество в целом (общественная система);
- 4) администрация г. Орла (орган местного самоуправления);

5) Правительство и Государственная Дума (федеральные органы государственной власти).

Формулируя задачу выявления структуры субъектов социальной ответственности в терминах теории анализа иерархий, фокусом иерархии является бедность, а второй уровень иерархии образуют 5 элементов: индивид, окружение, общество, город и государство.

Анализируемые группы респондентов могут быть как априорно заданными (социальные группы: домохозяйства с доходами ниже величины прожиточного минимума на одного человека, пенсионеры, многодетные и неполные семьи, инвалиды, безработные, группы с заданными социально-демографическими или иными характеристиками и т.д.), так и выявленными методами классификации.

Для непосредственного выявления иерархии субъектов системы социальной ответственности безработного г. Орла за бедность, т.е. для определения значимости того или иного субъекта для выбранных групп респондентов необходим алгоритм обработки результатов попарного сравнения 5 вариантов по принципу "каждый с каждым", усредненных для выбранных групп респондентов. Кроме того, для определения приоритетов субъектов по каждому из 10 усредненных результатов необходимо разработать систему соответствия шкалы результатов парного сравнения шкале приоритетов.

Целесообразно использовать давно существующий и применяемый метод анализа иерархий, предложенный Т. Саати, как элемент системы поддержки принятия решений, алгоритм которого реализован в программе Expert Decide [4]. Данная программа позволяет не только определить приоритеты того или иного субъекта, но и определить степень согласованности ответов при парном сравнении, что позволяет оценить корректность разбиения выборочной совокупности на группы.

В качестве шкалы приоритетов мы применяем шкалу Т. Саати, разработанную для анализа иерархий [2]. Используемая нами шкала приоритетов является 17-балльной (Таблица 2).

Средние значения дихотомической переменной, вычисленные для каждой из выделенных групп респондентов, попадают в один из 17 интервалов (в нашем случае – от 1 до 2).

Каждому из интервалов, в которые попадает усредненное значение ответов группы респондентов, соответствует определенное значение приоритета по шкале Саати, которые заполняют матрицу парных суждений.

При заполнении матрицы парных суждений достаточно ввести целые значения (приоритет одного из двух сравниваемых субъектов при прямой зависимости), т.е. заполнить половину матрицы, остальные дробные значения будут обратны введенным.

Реализуя алгоритм парного сравнения элементов иерархии, программа Expert Decide рассчитывает приоритет каждого из этих элементов и отображает вектор приоритетов в виде гистограммы, длина столбиков которой пропорциональна значимости элемента или весу, полученному в результате парных сравнений данного элемента с другими.

Поскольку нетранзитивность суждений нормальна для человеческого мышления, постольку полная согласованность элементов иерархии практически

Соответствие шкал приоритетов и усредненных результатов парного сравнения

Приоритет по 17-балльной шкале	Приоритет по шкале Саати		Интервал усредненных результатов		
			начало интервала	середина интервала	конец интервала
17	прямая зависимость	9	1,000	1,000	1,031
16		8	1,031	1,063	1,094
15		7	1,094	1,125	1,156
14		6	1,156	1,188	1,219
13		5	1,219	1,250	1,281
12		4	1,281	1,313	1,344
11		3	1,344	1,375	1,406
10		2	1,406	1,438	1,
9		1		1,469	1,500
8	обратная зависимость	0,500	1,531	1,563	1,594
7		0,333	1,594	1,625	1,656
6		0,250	1,656	1,688	1,719
5		0,200	1,719	1,750	1,781
4		0,167	1,781	1,813	1,844
3		0,143	1,844	1,875	1,906
2		0,125	1,906	1,938	1,969
1		0,111	1,969	2,000	2,000

Примечание: шаг середины интервалов (0,0625) рассчитан как частное от деления разницы значений дихотомической переменной (1) на количество шагов по шкале Т. Саати (16) и отсчитывается от середины шкалы (1,5) в обе стороны.

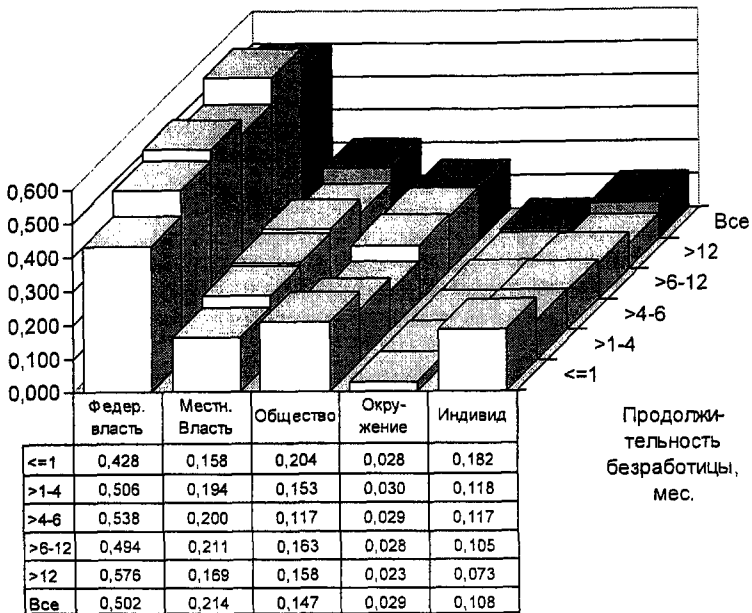
не встречается. Тем не менее, вектор приоритетов, построенный по определенной исследователем иерархии, может быть не корректным, влекущим заведомо ложные выводы вследствие превышения предельно допустимых значений коэффициентов согласованности матрицы парных суждений. В этом случае необходима перегруппировка респондентов по иным признакам или иным методом и повторное построение векторов приоритетов для вновь образованных групп до достижения приемлемых значений коэффициентов согласованности.

Предельно допустимые значения коэффициентов согласованности:

- коэффициент $\lambda_{\max}$ должен приближаться к порядку матрицы (количеству элементов иерархии), в нашем случае – 5;
- коэффициент ИС (индекс согласованности) не должен превышать 0,2;
- коэффициент ОС (отношение согласованности) не должен превышать 0,2.

Вычисление векторов приоритетов для каждой из выделенных групп респондентов позволяет провести сравнительный анализ структур субъектов социальной ответственности за бедность у различных групп респондентов.

Субъекты социальной ответственности за бедность

Диаграмма 2. Изменение структуры субъектов социальной ответственности безработных как категории бедных в зависимости от продолжительности безработицы.

Диаграмма 2. показывает, что с увеличением срока пребывания в ситуации безработицы индивид склонен приписывать дополнительную социальную ответственность за бедность федеральным органам государственной власти и снимать часть ответственности с себя.

В ходе предварительного анализа эмпирической базы установлено, что характеристики, предусмотренные статистикой службы занятости, обладают значительным дифференцирующим потенциалом для структуры субъектов социальной ответственности безработных за бедность. Используя методику анализа иерархий, вычислены и представлены в таблице 3 структуры субъектов социальной ответственности за бедность групп респондентов с различными характеристиками: продолжительность безработицы, должность на последнем месте работы, семейное положение, половозрастная характеристика и уровень образования. Кроме того, в таблице 3 представлена иерархия субъектов ответственности, определяющаяся самооценкой потребительского статуса домохозяйства безработного.

**Структура субъектов социальной ответственности
некоторых категорий безработных г. Орла**

Категория безработных	Доля в общей численности респондентов, %	Социальная ответственность за бедность, возлагаемая данной категорией безработных на субъект, дол.ед.				
		индивид	окружение	общество	город	федеральная власть
продолжительность безработицы						
менее 1 месяца	9,1	0,182	0,028	0,204	0,158	0,428
хронически безработные (свыше 1 года)	9,4	0,073	0,023	0,158	0,169	0,576
должность на последнем месте работы						
руководитель низшего звена	5,8	0,151	0,024	0,150	0,146	0,529
специалист гуманитарного профиля	10,7	0,190	0,029	0,221	0,181	0,379
квалифицированный рабочий	24,5	0,145	0,028	0,092	0,227	0,509
потребительский статус						
"Мы едва сводим концы с концами: денег не хватает даже на продукты"	14,4	0,161	0,031	0,097	0,226	0,485
"Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но не действительно дорогие вещи"	10,8	0,172	0,029	0,175	0,139	0,485
семейное положение						
никогда в браке не состояли	14,1	0,173	0,029	0,144	0,179	0,474
в гражданском браке	7,5	0,165	0,030	0,154	0,170	0,482
в разводе (вдовец, вдова)	21,3	0,154	0,031	0,104	0,215	0,497
в повторном браке	8,6	0,147	0,028	0,100	0,183	0,542
возраст						
до 25 лет включительно	12,4	0,180	0,031	0,205	0,143	0,441
41-45 лет	15,7	0,158	0,024	0,135	0,174	0,509
51 год и старше	19,9	0,150	0,027	0,111	0,190	0,522
пол						
мужской	16,8	0,154	0,027	0,106	0,190	0,522
женский	83,2	0,164	0,029	0,135	0,181	0,492
половозрастные группы						
мужчины 41-45 лет	2,5	0,131	0,023	0,086	0,191	0,569
женщины до 25 лет включительно	11,3	0,183	0,031	0,210	0,151	0,425

Анализ влияния характеристик безработных, представленных в таблице 3, на структуру субъектов социальной ответственности за бедность позволяет выявить следующие закономерности:

1. Чем дольше индивид пребывает в состоянии безработицы, тем большую ответственность он возлагает на федеральную и городскую власть и тем меньше – на себя, окружение и общество в целом.

2. Специалисты с высшим образованием гуманитарного профиля возлагают большую ответственность на себя и на общество по сравнению с безработными, обладавшими до увольнения другими должностными статусами. Руководители низшего звена (мастера, бригадиры, главные специалисты) наибольшую ответственность возлагают на федеральную власть. Квалифицированные рабочие больше, чем другие безработные, склонны обвинять городскую власть в бедности отдельного человека.

3. С повышением самооценки индивидом потребительского статуса своего домохозяйства повышается и социальная ответственность за бедность, возлагаемая на общественную систему, и снижается – возлагаемая на администрацию города.

4. Никогда не состоявшие в браке, возлагают большую ответственность на себя, состоящие в гражданском браке – на общественную систему, разведенные и овдовевшие – на администрацию города, а состоящие в повторном браке больше, чем остальные безработные, обвиняют в бедности отдельного человека федеральные органы государственной власти.

5. Чем старше безработный, тем ниже его личная ответственность за бедность и тем больше ответственности он возлагает на городскую администрацию, Правительство и Государственную Думу. Данная закономерность более четко прослеживается среди безработных мужчин.

6. Пол мало влияет на структуру субъектов социальной ответственности (разница между мужчинами и женщинами не превышает 3 %). Однако женщины в возрасте до 25 лет включительно приписывают федеральным органам власти меньшую, а общественной системе и индивиду большую долю социальной ответственности за бедность, в сравнении с другими половозрастными когортами.

Общие закономерности, не связанные с какими-либо характеристиками безработных как категории бедных, заключаются в следующем.

а) Основная доля социальной ответственности за бедность, снимаемой индивидом с себя, приписывается федеральным органам власти.

б) Высокая степень личной ответственности сопровождается возложением дополнительной доли ответственности на общественную систему и снятием ее с органов власти.

Выявление структуры субъектов социальной ответственности за бедность в зависимости от различных социально-демографических характеристик дает первичное представление о ее состоянии и динамике, определяет ее с различных, но отдельных сторон. Классификация безработных г. Орла в зависимости от структуры субъектов социальной ответственности за бедность позволяет выявить устойчивые группы, которым присущи определенные уникальные характеристики, в т.ч. социально-демографические.

Для классификации безработных как категории бедных, в зависимости от структуры субъектов социальной ответственности за бедность, в работе применен кластерный анализ. Применение дискриминантного анализа в нашем случае исключено, т.к. заранее не известно, сколько групп необходимо выделить.

Из двух основных методов кластерного анализа – иерархический и k-средних – выбран иерархический, поскольку не выполняется одно из условий кластерного анализа методом k-средних – независимость переменных, участвующих в кластеризации.

Предварительный анализ согласованности приоритетов субъектов в структуре социальной ответственности, выявленной различными методами кластерного анализа с различным числом кластеров, и сравнение дифференцирующего потенциала методов кластеризации посредством описательной статистики [3] позволили определить следующие параметры кластерного анализа:

Метод кластерного анализа – иерархический;

Метод кластеризации – Уорда;

Метрика – Евклидово расстояние для дихотомических переменных;

Число кластеров – 3.

В результате кластерного анализа наблюдений по переменным парного сравнения субъектов социальной ответственности за бедность выделены 3 группы безработных г. Орла с различной структурой субъектов (диаграмма 3).

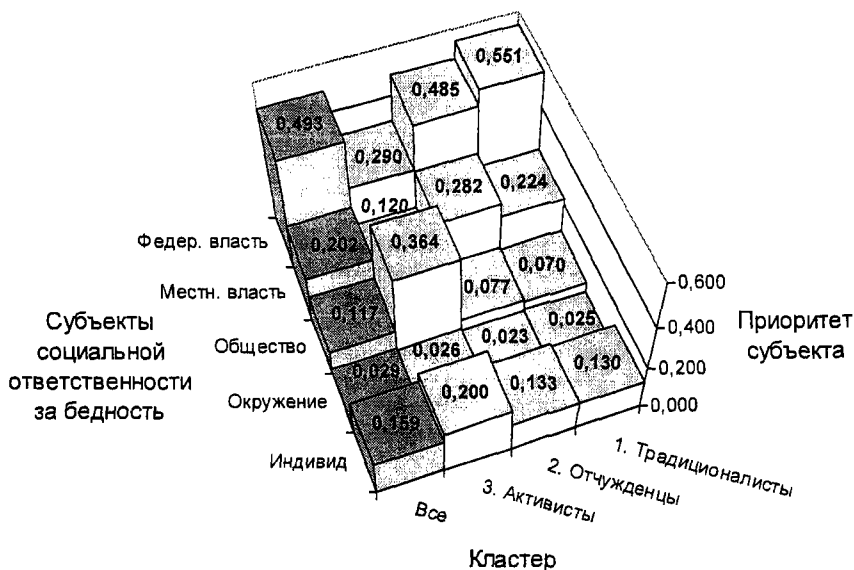

Диаграмма 3. Классификация безработных города Орла как категории бедных по структуре субъектов социальной ответственности.

Как видно на диаграмме 3, безработные города Орла считают, что в их бедности на 49,3 % виноваты Правительство и Государственная Дума, на 20,2 % – администрация города, 15,9 % социальной ответственности за бедность безработные возлагают на себя лично, 11,7 % – на общество в целом и лишь 2,9 % совокупной ответственности – на свое ближайшее социальное окружение: на родственников, друзей, знакомых.

Главными ресурсами выживания остаются персональные сети взаимодействия, поскольку только знакомые и близкие вызывают доверие и чувство защищенности перед лицом неопределенности, исходящей от коррумпированных чиновников из государственных органов власти и многообразных анонимных "субъектов" (банков и др.), от растущих неконтролируемых угроз современного мира.

В связи с этим ближайшее социальное окружение (родственники, друзья, знакомые), несмотря на выявленный в ходе эмпирического исследования низкий приоритет, выступает в качестве отдельного субъектно-институционального элемента системы социальной ответственности за бедность.

Структура социальной ответственности за бедность безработных, выделенных в кластер № 3, является принципиально отличной от структур в двух других кластерах. Отличия состоят в повышенной ответственности человека и, особенно, общества и в пониженной ответственности органов государственной власти и местного самоуправления.

Вместе с тем, анализ кластеров показывает, что социально-демографические характеристики и ответы на вопросы анкеты безработных, выделенных в кластер № 2, существенно отличаются от характеристик и ответов в первом и третьем кластере. Кластеры № 1 и № 3, противоположные по структуре социальной ответственности за бедность, схожи в соотношении элементов "федеральная власть/город" – 2,46 и 2,42 соответственно – в то время как это соотношение в кластере № 2 равно 1,72. Следовательно, респонденты, выделенные во второй кластер, в наибольшей степени обвиняют городскую исполнительную власть в своей бедности.

Анализ эмпирической базы исследования методами описательной статистики показывает существенные различия ответов безработных на вопросы анкеты в зависимости от принадлежности к тому или иному кластеру.

На основе анализа характеристик кластеров безработных г.Орла с различной структурой субъектов социальной ответственности за бедность, мы определяем три выделенных кластера следующим образом:

- 1 – традиционалисты;
- 2 – отчужденцы;
- 3 – активисты.

Кластер № 1 – "Традиционалисты" – составляет 30,6 % от всех безработных. Структура субъектов социальной ответственности "традиционалистов" является достаточно предсказуемой для безработных как категории бедных. Вместе с тем, представители этого кластера безработных демонстрируют перспективные для преодоления бедности личностные диспозиции, ценности и установки на поведение. "Традиционалисты" придерживаются традиционных моральных ценностей и диспозиций. Среди причин бедности они выделяют аморальный образ жизни и семейную неустроенность. Значение

индекса социального отчуждения – самое низкое среди всех безработных. Им свойственны активные стратегии преодоления бедности: поиск высоко оплачиваемой работы, повышение квалификации или приобретение более востребованной специальности. Безработным этого кластера присуща активная жизненная позиция, направленная на ближайшее социальное окружение: семью, друзей, знакомых. Число членов семьи среднестатистического “традиционалиста” больше, чем “отчужденца” или “активиста”, и составляет 3,6 человека. Среднее значение возраста безработных, выделенных в кластер № 1 (около 45 лет), больше, чем в других кластерах. Потребительский и социальный статусы традиционалистов соответствуют средним значениям для всех безработных. Среди безработных-традиционалистов – самый большой удельный вес квалифицированных рабочих (свыше 1/3). Причем, среднее значение продолжительности безработицы – менее 4 месяцев, а доля безработных в трудоспособном возрасте – наименьшая (36,4 %). Такая причина увольнения с последнего места работы, как увольнение по собственному желанию, распространена среди безработных этого кластера в такой же степени, как и сокращение, ликвидация предприятия, которые в других кластерах распространены более широко. Это свидетельствует о наличии незаурядных волевых качеств у традиционалистов. Наиболее высоко (среди всех безработных) развиты лидерские качества реализуются не в одновременно нескольких социальных институтах, как у “активистов”, а в ближайшем социальном окружении и в таком социальном институте как семья. Сравнительный анализ самооценок личностных качеств безработных, выделенных в различные кластеры, выявил преобладание у “традиционалистов” такого качества как прагматизм.

Кластер № 2 – “Отчужденцы” – составляет 21,5 % от всех безработных. “Отчужденцы” имеют самый высокий индекс социального отчуждения (свыше 80 %). Низкая степень информированности и потребности в информации об общероссийских политических процессах приводит к переносу “отчужденцами” части социальной ответственности за бедность с “далеких и непонятных” органов государственной федеральной исполнительной и законодательной власти (с Правительства РФ и Государственной Думы) на “ближкие и понятные” органы местного самоуправления (Администрация г. Орла).

Среди стратегий преодоления бедности “отчужденцы”, также как и “традиционалисты” и “активисты”, чаще всего выбирают активные стратегии, направленные на поиск работы. Однако доля таких стратегий составляет не 83,8 % и 86,5 % соответственно, а лишь 70,1 %. Около 20 % “отчужденцев” считают, что предпринимать что-либо для преодоления бедности бесполезно, либо не знают, что делать в этой ситуации.

Безработные, выделенные в этот кластер, чаще “традиционалистов” и “активистов” отмечают причины бедности, приведенные в анкете, приписывая своей материально неблагоприятной жизненной ситуации целый комплекс факторов. “Отчужденцы” отмечают намного чаще, чем безработные других кластеров, следующие причины: недостаток таланта и способностей и наличие большого числа иждивенцев (на фоне относительно невысокой численности домохозяйств), просчеты в системе государственного

управления и привилегированное положение богатых людей, нехватка подходящей работы и дискриминация, низкий уровень жизни родителей и отсутствие поддержки ближайшего социального окружения, укоренившаяся бедность в масштабе страны и недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению, а также пеняния на судьбу и фатальное невезение. Как видно, "отчужденцы" возлагают основную долю социальной ответственности за бедность на внешние обстоятельства, а не на себя. Не считая семейную неустроенность причиной бедности, многим "отчужденцам" знаком неудачный опыт семейной жизни (свыше трети разведены, либо овдовели, еще свыше 10 % состоят в повторном браке). В составе средне-статистической семьи "отчужденца" существенно меньше работающих и существенно больше трудоспособных, но безработных, чем в семьях "традиционалиста" или "активиста". Однако уровни представлений о бедности, прожиточном минимуме и норме денежных доходов значительно (до 27 %) превышают уровни представлений "традиционалистов" или "активистов". Как потребительский, так и социальный статусы у "отчужденцев" – самые низкие среди всех безработных.

Половина "отчужденцев" являются безработными свыше полугода, а наиболее распространенной причиной увольнения является сокращение, ликвидация предприятия (почти в 2/3 случаев). Наиболее распространенный уровень образования – среднее профессиональное (43,6 %), каждый пятый "отчужденец" не имеет профессионального образования.

Такие качества, как самостоятельность, трудолюбие, разносторонность, аккуратность, коллективизм, общительность, увлеченность, развиты у "отчужденцев" в такой же степени, как и у "традиционалистов". "Отчужденцы" оценивают уровень развития ряда качеств даже выше, чем "традиционалисты": дисциплинированность, активность, откровенность, оригинальность. Однако степень развития 9 из 20 личностных качеств "отчужденцы" оценивают ниже, чем "традиционалисты" или "активисты". Они не склонны к риску и прагматизму, не проявляют лидерских качеств, не считают себя предприимчивыми, плохо организованы, слабовольны, и, как следствие, – умеренно оптимистичны и менее доброжелательны.

В общем и целом "отчужденцам" свойственна пассивная жизненная позиция, они наиболее полно характеризуют безработных как категорию бедного населения. Вместе с тем, "отчужденцы" обладают многими качествами надежных исполнителей, им необходимо целенаправленное интенсивное управляющее воздействие извне для преодоления бедности.

Кластер № 3 – "Активисты" – составляет 47,9 % от всех безработных. "Активистам" свойственна активная жизненная позиция, направленная преимущественно на взаимодействие с различными социальными институтами, а не на ближайшее социальное окружение как у "традиционалистов".

Абсолютное большинство "активистов" (86,5 %) выбрали активные стратегии преодоления бедности, ориентированные на поиск работы. Они находят работу также быстро, как и "традиционалисты", хотя среди них на 10 % больше попавших под сокращение.

В сравнении с другими безработными "активисты" несколько чаще отмечают нерациональное распоряжение деньгами как причину бедности.

Ввиду высокого профессионального статуса дискриминацию по какому-либо признаку рассматривают в качестве причины бедности всего 19,5 %.

Профессиональный статус "активистов" на последнем месте работы был самым высоким из всех безработных. Около четверти "активистов" до увольнения являлись руководителями различного уровня, еще четверть – специалистами с высшим образованием. Доля рабочих, доходящая в других кластерах до 45 %, среди "активистов" составляет лишь 21,7 %. Свыше 40 % этих безработных имеют высшее образование.

Самооценка уровня развития 18 из 20 личностных качеств "активистов" выше, чем у безработных других кластеров, и они отмечают наиболее высокий уровень развития таких качеств как самостоятельность, аккуратность, оптимизм, коллективизм, организованность, доброжелательность, дисциплинированность, увлеченность. Кроме того, они считают себя активными и общительными.

"Активисты" являются наиболее образованными, информированными, материально состоятельными среди всех безработных и обладают наибольшим потенциалом для преодоления бедности.

Подводя итоги анализу особенностей системы социальной ответственности безработных как категории бедных, можно выделить два приоритетных направления социальной политики, нацеленных на устранение патернализма как характеристики субкультуры бедности: повышение эффективности общественной системы распределения ресурсов и развитие системы социальной ответственности.

Литература

1. Богатые и бедные в современной России: аналитический доклад / Институт комплексных социологических исследований Российской академии наук. – М., 2008.
2. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / М.: Радио и связь, 2003. – 320 с.
3. Черныш М. Ф. Опыт применения кластерного анализа // Социология-4М. – 2000. – № 12. – С. 131-141.
4. Шуметов В. Г. Алгоритмы и пользовательский интерфейс системы поддержки принятия решений Expert Decide / В. Г. Шуметов, А. И. Кузнецов / Интеллектуальные системы: Труды Четвертого международного симпозиума – М.: МГТУ, 2000. – С. 173-175.
5. Social protection in Europe 2001 / European Commission. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2002. – 60 pp.

Национально-культурная идентичность в современной России

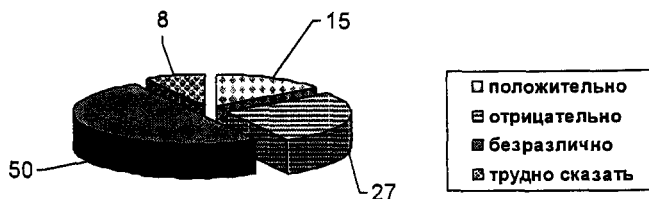
*М.В. Шуклинова, кандидат социологических наук,
Тамбовский филиал ОРАГС*

В настоящее время проблемы национальной и культурной идентичностей привлекают внимание многих исследователей, становятся особо актуальными. Это связано в первую очередь с кризисом идентичности, который многими представляется как отечественной, так и зарубежной общественной мысли рассматривается в качестве знаменания времени. Идентификационные ориентиры размыты, люди вынуждены заново самоопределяться в социальном пространстве. Кроме того, переходное общество является уникальным «полигоном» для эмпирических исследований тех явлений, которые в условиях стабильности носят латентный характер и трудно поддаются фиксации.

С целью прояснения степени и уровня национально-культурной идентичности в сентябре – ноябре 2009 года было проведено социологическое исследование среди различных социальных слоев Тамбовской области, объем выборочной совокупности составил 675 человека, выборка целевая. Задача получения репрезентативных данных не ставилась, исследование носило поисковый характер. В проекте были схвачены основные тенденции, которые будут уточняться в ходе дальнейших исследований¹. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности выглядят следующим образом: 70% женщин и 30% мужчин в возрасте от 18 до 60 лет. Образовательный срез: среднее (среднее специальное) образование – 27%, среднее профессиональное – 50%, высшее – 23%.

Рассмотрим проявление формальной идентичности. Процедура самоопределения человека в обществе, нации, культуре начинается с осознания индивидом своего гражданского статуса. Он причисляет себя к определенной этнической общности в результате на формальном, поверхностном уровне. В этом случае речь не идет о глубинной идентификации человека со своим этносом. Смысловой конструкт выглядит примерно так: «я – русский, я – грузин, и т.д. потому, что так у меня записано в паспорте», при этом человек особо не задумывается о своем выборе. Здесь работают только когнитивные элементы. Поэтому, идентификация по формальному признаку является достаточно слабой и диктуется внешними обстоятельствами.

Одним из показателей формальной идентичности является желание документально формализовать свою национальность. Респонденту был предложен следующий вопрос: «Как Вы относитесь к отсутствию в паспорте нового образца графы «национальность»?». Ответы распределились следующим образом (см. диаграмму 1):

Диаграмма 1. Отношение к отсутствию в паспорте нового образца графы национальность

50% респондентов относятся безразлично к наличию в паспорте графы национальность. Лишь 27% высказали свое отрицательное отношение к этому. Такой высокий процент, считающих фиксацию национальности в документах необязательной, свидетельствует о том, что на данном этапе в массовом сознании национально-культурные доминанты размыты. Число тех людей, которые стремятся к документальной формализации своей национальной принадлежности, относительно не велико. Если сравнить полученные цифры с данными опроса, проведенного в конце 80-х годов, когда национальная самоидентификация русских была достаточно выражена, процент респондентов, выступающих за фиксацию, был до 60%². Это объясняется тем, что до настоящего момента процесс переосмысления своей принадлежности к различным этнокультурным сообществам, вызванный сильнейшим кризисом идентичности, не завершен. Отсюда такое большое число «не определившихся».

Рассмотрим следующий показатель формальной идентичности, такой как отношение респондента к засорению русского языка иностранными словами. Респондентам был предложен следующий вопрос: *«В последнее время все чаще в повседневной жизни вместо русских слов стали употреблять английские. Их используют для названия организаций и фирм, включают в свои выступления политики, деятели культуры и т.д. Как вы относитесь к этому явлению?»*

- Положительно – 11%
- Мне все равно – 19%
- Отрицательно – 64%
- Затрудняюсь ответить – 6%

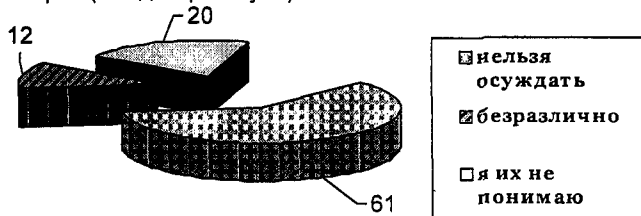
Как мы видим, большая часть респондентов, отрицательно относится к использованию иностранных слов в повседневной жизни, выступая тем самым за сохранность русского языка.

В условиях, когда, во-первых, существует реальное засилье английского языка во всех сферах жизни общества, во-вторых, наличествует проблема снижения языковой культуры от невладения правописанием до проникновения жаргона в повседневную речь, в-третьих, имеет место некая «мода» в молодежной среде на употребление иностранного сленга, большая часть демонстрирует критическое отношение к этому негативному явлению.

Другая же часть респондентов, которая положительно и безразлично относится к иностранной экспансии родного языка, не понимает, что постоянное употребление другого языка неизбежно сказывается на мироощущении, мировосприятии человека, влияет на способ мышления и образ жизни, что приводит к изменению ментальности в целом. Язык играет большую роль в формировании ценностных ориентаций, поведенческих установок и в целом определенной логики мышления, присущей каждому этносу.

Как нам видится, это результат масштабного снижения уровня духовного производства, которое наблюдается в последние годы и которое вызвано разгосударствлением СМИ, культуры и в значительной степени образования. Вследствие чего изменяются ценностные ориентиры, формируется безразличное отношение к тем негативным изменениям, которые происходят сейчас во всех областях жизни российского общества и, в частности, в области культуры.

Проанализируем отношение респондентов к такой социально значимой ценности, как преданность Родине. Перед испытуемыми был поставлен следующий вопрос (см. диаграмму 2.):

Диаграмма 2. «Как Вы относитесь к известным людям: ученым, музыкантам, спортсменам, которые в поисках лучшей жизни едут на запад?»

Затруднилось ответить – 7% опрошенных. Таким образом, 61 % респондентов не осуждают этих людей. Причем мужчины более расположены к осуждению, чем женщины. 41% представителей мужского пола ответили, что не понимают таких людей, которые в трудный момент бросают Родину, у женщин так ответили – только 9%.

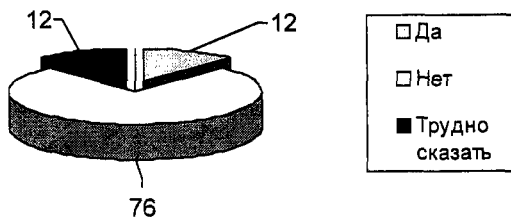
Подводя черту анализу национально-культурной идентичности на поверхностном, формальном уровне, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, на современном этапе национально-культурные доминанты размыты в массовом сознании. Россияне не стремятся к подтверждению своей идентичности с государством. Половина респондентов (50%) безразлично относятся к наличию в паспорте пятой графы. Причем 8% затруднились ответить по данному вопросу.

Во-вторых, существует жесткая зависимость между стремлением индивида к документальной формализации своей этнической принадлежности и интенсивностью национально-культурной идентификации. Чем жестче выражено национальное самосознание и, отсюда, стремление к его документальной формализации, тем интенсивней национально-культурная идентификация.

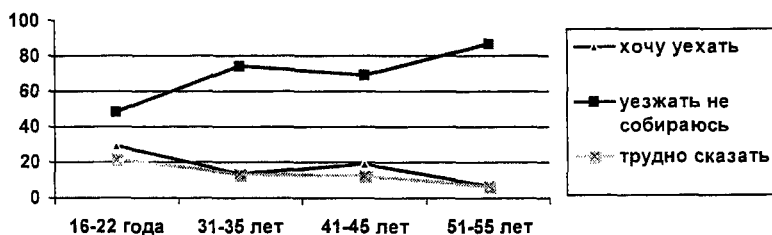
В качестве основного показателя, позволяющего составить представление относительно степени национально-культурной идентификации, является отношение респондентов к России. С помощью этого показателя можно узнать о том, какое место в системе ценностей молодежи занимает Россия на современном этапе.

Так, для прояснения готовности респондентов жить в России, в анкете был сформулирован следующий вопрос (см. диаграмму 3.):

Диаграмма 3. Вы когда-нибудь планировали уехать за границу?

Ответы на данный вопрос показывают, что 12% опрошенных хотели бы уехать из России. 76% респондентов не планировали покинуть страну, 12% затруднилась ответить на данный вопрос. Причем, чем старше возрастная группа опрошенных, тем реже у ее представителей выражено стремление перебраться в другую страну, об этом свидетельствует данные графика (см. диаграмму 4.):

Диаграмма 4. Планы относительно возможного переезда за границу в зависимости от возраста респондентов

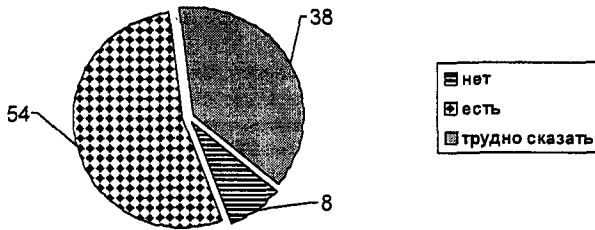
Из числа тех, кто планировал покинуть Родину (12%) и тех, кто затруднился ответить (12%), преобладают следующие причины такого поступка:

- В России никогда не сделаешь карьеры – 4%;
- В России, сколько не работой, никогда не улучшишь своего материального положения – 14%;
- В России можно будет жить тогда, когда все наладится – 26%.

Данные причины, на наш взгляд, обусловлены экономическими, социальными и многими другими проблемами жизнеобеспечения населения. Большинство респондентов (около 65%) признают наличие серьезного кризиса в стране, и только 24% считает, что Россия может выйти из этого кризиса.

Национально-культурная идентификация четко прослеживается в оценки исторического прошлого, в понимании роли России в мире. Историческая

память составляет одну из основ осознания человеком своего «Я» в масштабах семьи и в целом в истории своего народа. Здесь национально-культурная идентичность расшифровывается на когнитивном уровне. Поэтому пер- респондентами был поставлен следующий вопрос (см. диаграмму 5.):

Диаграмма 5. В настоящее время часто обсуждается вопрос о роли России в мировой истории. Одни считают, что у нашей страны есть особая историческая миссия, другие – что ее нет. А как считаете Вы?

Как мы видим, большинство респондентов (54%) считают, что у России есть особое историческое предназначение. Однако прояснить суть особого исторического предназначения нашей страны большинство респондентов затруднилось. Число ответивших на открытый вопрос составило 14%. Среди ответов были следующие утверждения:

- Миссия России – быть мировым лидером (8%);
- Миссия России – объединение запада и востока (2%);
- Миссия России состоит в продвижении идей социализма (1%);
- Предназначение России – объединение различных народов, наций и культур (2%);
- Миссия России – сдерживание глобализации (1%).

На наш взгляд, в настоящий момент респонденты демонстрируют некий подъем в оценке предназначения России, в отличие от недавнего прошлого. Так, согласно исследованию, проведенному ФОМ в 1992–1995 годах в ходе проекта «Народ и политика», русский народ «исторического самонимия не демонстрировал», большинство респондентов не верили в особую «общечеловеческую миссию» России (только 12% опрошенных отметили, что русский народ отличается от других наличием особой исторической миссии)³.

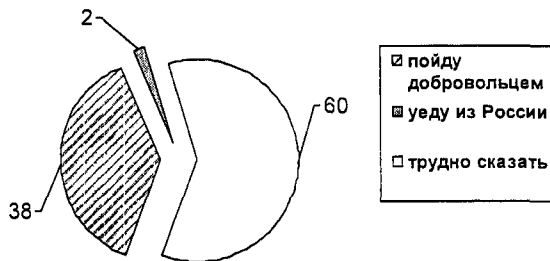
Для выяснения эмоциональных составляющих в структуре национально-культурной идентичности, респондентам был предложен блок оценочных суждений. Вопросы этого блока фиксировали отношение респондентов к истории России, патристические установки, космополитический настрой. В результате анализа данных видно, что на вербальном уровне степень идентификации достаточно высока: 54% не согласны и 14% скорее не согласны с суждением, что «Родина там, где хорошо платят» (согласились 10%, в чем-то согласны, в чем-то нет – 11%, затруднилось ответить 11% респондентов).

Самые высокие цифры дает следующее суждение: «в истории России нет ни одного исторического события, которым мог бы гордиться русский человек» – скорее не согласны 7% и не согласны 77% (согласны 5%, в чем-то согласны, в чем-то нет – 2%, затруднилось ответить – 9% опрошенных).

В целом, в сегодняшней самоидентификации русских, такая ее составляющая как отношение к историческому прошлому, имеет положительную тенденцию. Несмотря на то, что последние десятилетия национальное самосознание русских сознательно расшатывалось.

Важно также отметить, позитивную направленность в реабилитации патриотизма и патриотических чувств, эти понятия становится социально одобряемой ценностью, в отличие от недавнего прошлого. Не согласились с суждением – «патриотизм – последнее прибежище для негодяев» почти 72% опрошенных. В методике неоконченных предложений, 45% называли русским того человека, который любит Россию и является ее патриотом, при этом национальный признак нивелировался. Словом, можно сделать вывод о некотором росте патриотического сознания на эмоциональном уровне, хотя нельзя говорить об устойчивой тенденции. Так как, при рассмотрении поведенческого компонента, обнаруживается, что 23% готовы покинуть Родину, если им сделают выгодное предложение, позволяющие решить все проблемы. При этом 45% вообще затруднились ответить, как бы они поступили. Вариант ответа – «категорически откажусь уезжать из России, так как представляю, что значит, для русского жить на чужбине», выбрали только 32% респондентов. Таким образом, можно сделать вывод, что национально-культурная идентификация на эмоциональном и поведенческом уровне не совпадает.

Рассмотрим прожективную ситуацию, выясняющую готовность респондентов защищать Родину в случае внешней угрозы (см. диаграмму 6.):

Диаграмма 6. Если России придется обороняться от внешних врагов, как Вы поступите?

Как мы видим, процент людей, готовых защищать Россию, невелик (38%), большинство (60%) – затруднилось ответить, как они поступят. Надо сказать, что это достаточно тревожный показатель для общества. Можно сделать вывод, что поведенческий компонент в структуре национального самосознания выражен слабо, на этом уровне респонденты не готовы к подтверждению своей национально-культурной идентичности. Следовательно, в настоящий момент регулятивный механизм, который обуславливает деятельность, направленную на реализацию патриотических установок, дает «сбой», разрушается.

Либеральная идеология, которую вынуждены осваивать россияне, есть

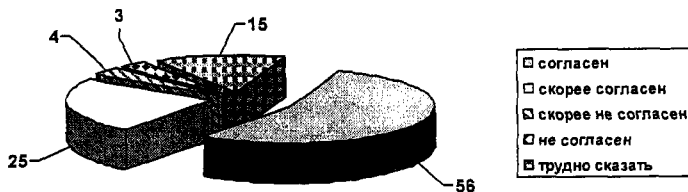
идеология космополитическая. У россиян имеется выбор: идентифицировать себя с вольными и беззаботными «гражданами мира» или с обремененными тяжелым историческим наследием россиянами. Данные нашего исследования показывают, что согласились с суждением – «важно себя ощущать, прежде всего, гражданином мира, чем конкретной страны» 19%, тем самым, сделав выбор в сторону космополитического образа жизни. Вместе с тем, большинство опрошенных (44%) не сообразились идеологемами космополитического толка (о вхождении в мировую цивилизацию, о существовании общечеловеческих ценностей и т.д.). В чем-то согласны с этим суждением, в чем-то нет – 25%. Процент затруднившихся ответить составил 12%. Словом, среди россиян космополитические настроения имеют место, есть часть респондентов, которых привлекает идея о «гражданах мира».

Подводя черту под анализом такого показателя национально-культурной идентификации, как отношение респондентов к России, можно сделать вывод, что на поведенческом и эмоциональном уровне национально-культурная идентификация не совпадает. На поведенческом уровне россияне не готовы к подтверждению своей этнической принадлежности. Причем, чем жестче ситуация выбора, тем менее склонен индивид, принимать решения, направленные на подтверждение факта принятия установок по национально-культурной идентификации.

Можно предположить, что это связано с целым рядом объективных обстоятельств. На наш взгляд, в обществе идет формирование нового социального типа, который на первый план выдвигает удовлетворение своих потребностей. Но, тем не менее, для него значимыми остаются установки массового сознания, ориентирующие индивида на подтверждение своей национально-культурной идентификации. Происходит некое «расщепление» сознания. Установки массового сознания в сфере культуры, которые еще пока одобряются существующей системой воспитания, образования, которые закреплены в заявлениях политических и культурных деятелей и т.д., вступают в противоречие с установками индивидуального сознания. Поэтому большинство опрошенных считает Россию великой, сильной, осознает ее как свою Родину, но при этом считает, что прежде надо думать о себе, а потом уже о Родине и не готово ее защищать.

При рассмотрении национально-культурной идентификации необходимо учитывать значение культурного компонента, который является определяющим в данном процессе. Он формируется посредством отождествления индивида с мировоззренческими установками, идеалами, нормами, исторически сложившимися в национальной культуре, и реализуется на глубинном уровне идентификации. Именно национальная культура, как система определенных материальных и духовных ценностей, создает многие этнические черты человека и в целом «национальный тип» личности. Поэтому, зная отношение респондентов к русской культуре, ее ценностям, нормам можно сделать вывод о степени идентификации и об уровне ее проявления.

Участникам опроса было предложено следующее суждение (см. диаг-

рамму 7.)

Диаграмма 7. Согласны ли Вы с суждением, что русская культура – одна из величайших культур мира?

Из диаграммы видно, большинство респондентов признают значимость русской культуры в мировом масштабе, что говорит о наличии позитивной этнической идентичности и высокой степени национально-культурной идентификации на вербальном уровне.

Сделанный выше вывод, подтверждает выбор респондентов в блоке оценочных суждений. Абсолютное большинство опрошенных (85 %) не согласилось с мнением – «русские художники не создали ни одной стоящей картины» (согласилось – 2 %, 13 % затруднилось ответить). С суждением же «русские ученые внесли огромный вклад в мировую науку» согласны 87 % респондентов (1% выразили свое несогласие, затруднились ответить 12 %).

Анализ национально-культурной идентичности на поверхностном, формальном уровне, позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, на современном этапе национально-культурные доминанты размыты в массовом сознании. Россияне не стремятся к подтверждению своей идентичности с государством. Половина респондентов (50 %) безразлично относится к наличию в паспорте пятой графы. Причем 8% затруднились ответить по данному вопросу.

Во-вторых, существует жесткая зависимость между стремлением индивида к документальной формализации своей этнической принадлежности и интенсивностью национально-культурной идентификации. Чем жестче выражено национальное самосознание и, отсюда, стремление к его документальной формализации, тем интенсивней национально-культурная идентификация.

Из анализа такого показателя национально-культурной идентичности, как отношение респондентов к России, можно сделать вывод, что на поведенческом и эмоциональном уровне национально-культурная идентичность не совпадает. На поведенческом уровне россияне не готовы к подтверждению своей этнической принадлежности. Причем, чем жестче ситуация выбора, тем менее склонен индивид принимать решения, направленные на подтверждение факта принятия установок по национально-культурной идентификации.

Анализ культурного компонента в идентификации респондентов также позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, на уровне эмоциональных реакций степень отождествления достаточно высока. Большинство респон-

дентов считают русскую культуру родной, великой, духовной и т.д. Однако речь идет о поверхностных пластах психики индивида, которые не позволяют прояснить глубинные установки и ценностные ориентации личности. Идентификацию же на глубинном уровне демонстрируют лишь 5% опрошенных, о чем свидетельствует их выбор в прожективных ситуациях.

Во-вторых, идентификация респондентов с русской культурой реализуется на среднем уровне национально-культурной идентификации, опрошенные ощущают неразрывную связь со своим этносом, культурой, осознают свою культурную среду как родную.

¹ Исследование проводилось в рамках гранта РФФИ №09-06-00372а, тема проекта «национально-культурная идентичность в современной России»

² Арутюнян Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание. Социологические исследования. – №7. – 1990. – С. 42–49

³ Клямкин И.М. Советское и западное: возможен ли синтез? Полис. – №4. – 1994. – С. 57–78.

Место интеллигенции в формирующемся гражданском обществе

А.А. Алексеёнок, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и психология управления», ОРАГС, г. Орел

Идея гражданского общества предполагает включение или вовлечение населения (управляемых) в управление общественными делами, а также, насколько это возможно, и государственными делами. По сути дела речь здесь идет о децентрализации и распределении политической власти. То есть объект управления становится его субъектом.

Идея гражданского участия – одна из основополагающих в концепции демократии. Можно сказать, она знаменует переход от классической либеральной концепции «минимума государства» к основанному на принципе плюрализма обществу благосостояния. Такой переход, по-видимому, явился ключевой структурной предпосылкой развития широкого и разнообразного гражданского участия в западных демократических странах. Предположительно, это связано с тем, что в обществе благосостояния граждане оказываются более зависимыми от государства, и более готовыми к активным политическим действиям в ответ на неспособность государства предоставлять ожидаемые услуги. В развитом гражданском обществе данные действия по необходимости носят коллективный характер: воздействие на государство оказывается эффективным, если опосредовано акциями профессиональных союзов, групп интересов и групп гражданского действия, политических партий.

В настоящее время о желательности и необходимости гражданского общества в России все чаще пишут и говорят, но не всегда ясно, что, собственно, имеется в виду, какими критериями гражданственности общества и населения руководствуются те, кто рассуждают на эту тему. Отсутствие четких критериев приводит к огромному разбросу мнений, что же считать гражданским обществом.

Существуют два основных подхода к формулировке понятия гражданского общества. В первом случае оно трактуется не как экономическая и даже не как социологическая, а как, прежде всего, политическая категория, в прямой связи с теорией демократии. Отсюда следует, что гражданское общество, хотя находится за пределами государства, не существует вне политики, не исключено из политического пространства.

Во втором случае его используют не столько для описания реального положения дел в так называемых странах либеральной демократии, сколько для критики этого положения, т.е. в качестве нормативного понятия. В последней четверти XX в. понятие гражданского общества, до того надолго забытое, возродилось в политической науке Запада сначала в связи с критикой тоталитарных режимов, а затем в связи с критикой самого западного общества, которое также далеко от совершенства, причем в плане именно

демократии. С помощью этого понятия хотят высветить присущие этому обществу недостатки и изъяны, сохраняющиеся в нем элементы социальной несправедливости и административного произвола.

Под гражданским обществом принято понимать совместные действия людей в сфере не их приватной, а общественной жизни, в условиях, когда она перестает быть монополией властных элит – как традиционных, так и современных. Это именно сфера действий, поступков людей, которые могут носить как стихийный, так и организованный характер, получая в этом случае институциональную форму неправительственных, негосударственных объединений, союзов, ассоциаций, функционирующих по принципам самоорганизации, самоуправления и, как правило, самофинансирования.

Общество становится гражданским в качестве не просто отделившегося от государства самостоятельного образования, но существующего наравне с ним особого политического субъекта, способного вступать с государством в отношения партнерства, диалога и даже, если необходимо, конфронтации при решении общественно важных дел. Оно не подменяет собой государства, но делает его объектом постоянного наблюдения и контроля.

Только при наличии общественного мнения и голоса общество обретает способность вести диалог с государством, и только включаясь в такой диалог, оно становится гражданским. Для этого, собственно, и существуют гражданские права. Без соблюдения права граждан на свободу собраний, митингов, демонстраций, объединений, референдумов и пр. диалог между ними и государством практически невозможен. Соответственно гражданское общество должно располагать и независимыми от государства органами печати и средствами массовой информации, способными выражать и доносить до власти его мнения и настроения.

Гражданин – это человек, для которого политика, судьба собственного государства становится личным делом, предметом не профессионального интереса, а гражданского долга. Политика в гражданском обществе становится делом всех, что, конечно, не исключает наличия профессиональных политиков. Гражданское общество отделено от государства, но не от политики, что означает конец монополии власти на политику. Но тогда и политика в гражданском обществе – это не только сфера государственной власти, но вся публичная сфера общественного взаимодействия и активности людей: она включает в себя всю систему их общественных ассоциаций и объединений, способных ставить перед собой и решать определенные социальные цели и задачи.

Превращение людей в граждан – целая культурная революция в жизни общества. Для этого необходимо не просто наделить каждого гражданскими правами, но сформировать в его сознании качественно новую систему приоритетов и ценностей. А это требует в свою очередь появления особого, отличного от традиционного, типа культуры.

Невозможно представить гражданское общество без людей, не впитавших в себя ценности свободомыслия и равноправия, находящихся в плену предрассудков и суеверий прошлого, касающихся как природы власти, так и человеческой природы. Культура гражданского общества несовместима с любыми культами – ни с религиозным фундаментализмом и клерикализмом, ни с политическим «культом личности», какой бы замечательной не

была эта личность. Она базируется на этике солидарности и личной ответственности за все, происходящее в обществе.

Скажем совсем просто: гражданское общество нуждается не просто в людях, располагающих материальным достатком и свободным временем, но в людях, прежде всего, просвещенных и образованных. Оно не может состоять из малограмотных, малообразованных людей, не способных к самостоятельному мышлению и публичному обсуждению. Такие люди могут на короткое время объединиться в протестующую толпу (часто под влиянием демагогов и политиканов), но не способны к постоянно возобновляемому публичному диалогу друг с другом и властью. Будучи по паспорту гражданами, они так и остаются слепым орудием в руках власти.

Отсюда вывод: если мы действительно хотим попасть в гражданское общество, интересы образования и культуры должны стать приоритетными как для государства, так и для экономики. Современное гражданское общество формируется не в частных лавочках и мастерских, не на улице и в шуме толпы, а за партами школ и на студенческих скамьях, в процессе подключения каждого к многообразным информационным потокам, т.е. в результате огромной образовательной и просветительской работы. Государство, не вкладывающее средства в эту сферу, так и останется наедине с безмолвствующим, не способным к самостоятельной жизни народом, а экономика, безразличная к состоянию культуры и образования в стране, никогда не станет экономикой роста и процветания. Все это подчеркивает роль и значение в становлении гражданского общества такой его неотъемлемой прослойки как интеллигенция.

История интеллигенции начинается с того момента, когда Россия, осознав так или иначе в петровские времена свое отставание от Запада, становится на путь догоняющего развития. Если западные страны к тому времени уже стали странами сначала раннего, мануфактурного капитализма, а затем классического, индустриального, то в отличие от них Россия представляла собой страну, находящуюся, по крайней мере с петровских времен, в переходном состоянии. В этом состоянии в общественном организме самым причудливым образом сочетаются социальные институты, социальные слои и явления духовной жизни, принадлежащие к исторически различным периодам развития общества и культуры в целом. Общество оказывается расколотым, причем раскол охватывает все сферы жизни общества – экономическую и политическую, социальную и духовную сферы. Не доведенные до конца, одни реформы сменяются новым набором других по направленности реформ, что лишь усугубляет неоднородность и раскол общества. К сожалению, Россия и ныне представляет собой классическую страну неорганичного, разорванного типа развития, когда проводимые в ней в очередной раз реформы лишь придают этому расколу новые конкретные очертания.

Существуют две устойчивые интерпретации понятия интеллигенции. В широком смысле под интеллигенцией понимается социальная группа, профессионально занятая умственной, по преимуществу творческой деятельностью. В узком смысле слова интеллигент, имеется в виду именно российский интеллигент, напротив, означает особое отношение человека к миру, точнее, к социальным процессам, протекающим в обществе. Быть интеллигентом означает быть совестливым человеком, живущим по совести, а не по расчету.

Совость есть признание человеком за собой строгого выполнения своего морального долга, т.е. тех безусловных моральных требований, которыми человек должен руководствоваться в своих поступках независимо от сиюминутных преходящих обстоятельств. Совестьливый человек всегда стремится поступать в своих отношениях с другими людьми в соответствии с тем образом человека и общества, который им признается в качестве идеала и предела совершенства. Однако социальная роль и назначение российской интеллигенции состоит в том, чтобы быть публичной совестью. А это не то же самое, что быть совестливым человеком применительно к повседневному общению с людьми.

Другими словами, принадлежность человека к социальному слою интеллигенции означает необходимость иметь мужество выступать с публичной оценкой тех или иных важных событий, происходящих в обществе и, как правило, связанных с деятельностью органов власти. Так что быть интеллигентом – принимать участие в политической жизни общества. Мужество бывает необходимым и для того, чтобы поддержать действия властей, но гораздо чаще выступление с позиций совести оказывается открытой критикой власти.

Важно также отметить, что слой интеллигенции, как правило, оказывается чрезвычайно широким – от студента и рабочего до академика и композитора. Он не имеет строго очерченных границ, и к тому же каждый, кто как бы претендует на то, чтобы быть причисленным к кругу интеллигенции, должен еще и подтверждать каким-то образом свою принадлежность к нему. Разумеется, основную часть интеллигенции составляет думающая часть общества, т.е. деятели культуры, науки, образования, которые профессионально заняты умственным трудом. Однако далеко не каждый из них решится на открытое выступление с осуждением конкретных действий властей. Ученый с мировым именем, раз и навсегда решивший для себя не заниматься политикой, может быть предельно совестлив в делах науки и в отношениях с людьми. Но он сознательно ставит себя вне политики и, соответственно, вне интеллигенции. Его кредо – настоящий ученый в политические игры не играет.

В современной полемике вокруг проблемы интеллигенции была совершенно упущена из виду другая проблема, тесно связанная с ней. Это проблема общественности. Понятие общественности начинает активно употребляться в литературе, как и понятие интеллигенции, в 60-е гг. XIX в., хотя впервые оно было введено в русский язык еще Н.М. Карамзиным в начале века. Понятие общественности обозначает нечто прямо противоположное интеллигенции. Общественность есть слой людей, принимающих активное участие в общественной жизни, именно активно-созидательное участие, и тем самым так же, как и интеллигенция, оказывающих воздействие на общественное мнение. Это может быть жизненная позиция и деятельность научной общественности, педагогической общественности, творческой и даже рабочей общественности. Одним словом, под общественностью понимается слой лиц, занимающих в обществе позицию поддержки проводимых реформ. Эти люди имеют различные профессии, но в основном они связаны с умственным трудом.

Таким образом, у общественности и интеллигенции оказываются принципиально разные социальные роли в обществе. Любая власть крайне заинтересована в создании общественности, которая помогала бы ей в создании

положительного отношения в обществе к реформам, надлежащего нравственного климата, одним словом, помогала бы власти в продвижении дела реформ вперед. Как активно-созидательная сила, общественность может иногда позволить себе конструктивную критику отдельных конкретных действий властей, но избегает при этом по принципиальным соображениям более широких обобщений. Отсюда концепция малых дел, резко отрицательное отношение ко всякому бездумному критиканству. Напротив, роль интеллигенции в сравнении с ролью общественности – прежде всего, критически негативная, обличающая, указывающая на творящуюся несправедливость, на бесправие, нищету, безразличие власти и т.д.

В целом, конечно, следует согласиться с тем, что роль интеллигенции как независимого слоя общества, пытающегося воздействовать на общественное мнение в стране, в последние годы заметно снизилась. Это связано, прежде всего, с тем глубоким идейным и культурным расколом, который по-прежнему царит в обществе. Критически настроенная интеллигенция, имеющая разные идейные ориентации, тратит немало сил на бесконечные взаимные обвинения, что, конечно же, не способствует росту ее влияния на общественное мнение. Но самое главное заключается в другом. Появились первые независимо действующие общественные институты, которые берут на себя функции контроля за деятельностью органов власти.

Более значительную роль стали играть политические партии, их лидеры и идеологи, появление первых институтов гражданского общества. В этих партиях нашли свое место многие интеллигенты, выступающие теперь с вполне определенных партийных позиций и защищающих партийные цели и интересы.

Самой важной причиной падения влияния критических выступлений независимой интеллигенции стали средства массовой информации, которые обладают практически неограниченной силой воздействия на массовое сознание. Виртуальная реальность, создаваемая телевидением, становится все более значимой для массового сознания, чем реальная действительность и конкретные факты. Если факт не замечен телевидением, то возникает немало сомнений в массовом сознании в его существовании.

Современное общество становится все более управляемым не столько через реальные изменения в протекающих в нем процессах, сколько через изменения в массовом сознании. Избирательные кампании последних лет показали со всей очевидностью немислимые еще в недавнем прошлом возможности информационных технологий. Границы их применения в повседневной жизни с целью формирования "в широких народных массах" клипового сознания, неспособного ни к какому осмысленному, а тем более к критическому восприятию материала, определяются пока лишь их большой ценой.

Литература

1. Межуев В.М. Гражданское общество и современная Россия. – Чебоксары: МЦСТ, 2008.
2. Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). – Омск: Изд-во ОГУ, 2005. 348 с.
3. Шевченко В.Н.. Интеллигенция и общественность в контексте становления гражданского общества в России. – Чебоксары: МЦСТ, 2008.

Роль малого бизнеса и проблемы его статистической оценки

М.В. Андреек,

С. В. Карпикова

В России малое предпринимательство начало зарождаться в недрах перестроечных кооперативов и в настоящее время это одно из важнейших институциональных направлений в экономике. Малый бизнес является необходимым условием устойчивого роста экономики и основой формирования крепкого среднего класса в России. Помимо решения экономических задач, он способствует созданию рабочих мест, росту самозанятости, а тем самым решает острые социальные проблемы. Президент Российской Федерации поставил задачу к 2020 году повысить уровень занятости россиян в предпринимательском секторе до 60–70% трудоспособного населения.

Разносторонняя поддержка малого предпринимательства, учитывая его актуальность, отнесена к числу приоритетов государственной политики на федеральном и региональном уровнях. К настоящему времени реализован комплекс мер, направленных на создание более благоприятных условий для развития малого бизнеса. В частности, применяется упрощенная система налогообложения, действует при регистрации система "единого окна", сокращено количество проверок со стороны контролирующих органов, заработан закон о льготной приватизации, в разы сокращено число видов деятельности, подлежащих обязательному лицензированию. Расширены возможности субъектов малого предпринимательства на получение государственного и муниципального заказа. Законом предусмотрена обязанность государственных (муниципальных) заказчиков осуществлять размещение заказов у субъектов малого предпринимательства в размере не менее чем десять и не более чем двадцать процентов общего годового объема поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг.

В период кризиса Правительством Российской Федерации принимались меры по предоставлению возможности гражданам, потерявшим работу, заняться собственным делом. Для чего им выделялась единовременная субсидия, как на открытие собственного дела, так и на создание дополнительных рабочих мест. По данным управления труда и занятости Орловской области, такую субсидию в 2009 году получили более 700 человек. В 2010 году эта работа была продолжена и за восемь месяцев безвозмездные субсидии на открытие своего дела по программе дополнительных мероприятий получил 761 безработный. Предпринимателями из числа бывших безработных граждан создано 217 дополнительных рабочих мест. Всего в 2010 году было запланировано оказать поддержку тысяче безработных и профинансировать открытие 300 дополнительных рабочих мест.

В Орловской области на 1 января 2010 года зарегистрировано 21 тыс. индивидуальных предпринимателей. В 2009 году в малом и среднем предпринимательстве действовало 7171 юридическое лицо (1019 малых, 162 средних и 5990 микропредприятий), на которых было занято 59,3 тыс. человек, т.е. каждый четвертый работающий на предприятиях и в организациях области. Оборот малых, средних и микропредприятий составил 59,3 млрд. рублей (36,1% от общего оборота). Ими было освоено 18,5% инвестиций в основной капитал на сумму 3,7 млрд. рублей.

Отраслевая структура малого предпринимательства, сложившаяся за годы реформ, практически не изменилась. Наиболее привлекательными, по-прежнему, являются сфера торговли, общественного питания и рынок услуг. Ситуация доминирования в малом бизнесе непроизводственной сферы над производственной вполне соответствует и общемировой тенденции, т.к. требует меньших затрат и имеет относительно небольшой срок окупаемости инвестиций. В области среди малых предприятий занимаются торговлей 39,2%, среди индивидуальных предпринимателей – 59,4%. Почти две трети (65%) оборота малого бизнеса приходится на долю торговли.

Исследование роли малого бизнеса в торговле Орловской области, и в частности, на ее потребительском рынке показывает, что после вступления в силу Федерального Закона № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» удельный вес малого предпринимательства в общем обороте розничной торговли резко возрос. Так, если в 2005 году его доля составляла 26,6%, в 2006 г. – 25,7%, в 2007 г. – 24,7%, то в 2008 г. – 35,3%, в 2009 г. – 36,8%. Эти данные наглядно подтверждают, что субъекты малого бизнеса занимают прочное место на потребительском рынке. Причем необходимо отметить, что в кризисном 2009 году по сравнению с 2008 годом спад оборота розничной торговли в малом бизнесе был значительно ниже (4,5%), чем в крупном (11,1%).

В целях изучения проблем и перспектив развития в условиях кризиса индивидуальных предпринимателей, занятых в торговле, Орелстат в сентябре 2010 года инициативно провел их выборочное анкетирование. Обследованием были охвачены 662 предпринимателя. Среди обследованных респондентов доля занимающихся бизнесом более 6 лет составила 55%, а менее 1 года – 10%. В качестве основного фактора, препятствующего развитию торговли, 72% предпринимателей отметили низкий платежеспособный спрос населения. При осуществлении своей деятельности от 38% до 44 % респондентов столкнулись с такими проблемами, как недостаток финансовых средств, высокая конкуренция, высокий уровень налогов и арендной платы, а для каждого пятого респондента препятствием в развитии бизнеса стали сложности в получении кредита и его высокий процент. В условиях кризиса доля успешных и стабильно развивающихся предпринимателей составила лишь 7%, а тех, которые находились на спаде или на грани разорения – 20%. Поэтому не случайно результатами своей предпринимательской деятельности оказались не удовлетворены две трети обследованных респондентов. В настоящее время при осуществлении своей деятельности 81% предпринимателей приходится «вертеться», «хвататься» за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким «терпимые»

условия жизни. Более половины предпринимателей не представляют для себя возможным расширение бизнеса, в основном по причине низкой покупательной способности нашего населения и недостатка собственных средств. Вместе с тем, отрадно отметить, что 17% респондентов для достижения больших результатов использовали новые возможности. Такова же и доля предпринимателей, которые верят в благоприятные перспективы своей предпринимательской деятельности. Почти каждый третий участвовавший в анкетировании планирует в ближайшем будущем расширять свой бизнес.

В 2010 году в Орловской области, как и в целом в России, начался процесс преодоления негативных тенденций, вызванных "мировым кризисом". Оборот розничной торговли за январь-сентябрь 2010 года, оценивающийся в сумме 45,6 млрд. рублей, в товарной массе составил 111% к уровню аналогичного периода 2009 года. Субъектами малого бизнеса продано товаров на 18,3 млрд. рублей. Объем реализации в этих структурах увеличился, в сопоставимой оценке, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 20%, а доля его в общем обороте розничной торговли возросла на три процентных пункта и составила 40,2%. Таким образом, очевидно, что вклад малого бизнеса в экономику возрастает и уже сейчас субъекты малого предпринимательства оказывают существенное влияние на тенденции экономического развития, а в сфере торговли и вовсе определяют их. Поэтому от объективности оценки деятельности этого сегмента рынка зависит полнота и достоверность предоставляемой официальной статистической информации об экономических процессах в Российской Федерации и регионах.

Статистическая оценка деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства базируются на итогах выборочных наблюдений, организованных на основе представительных (репрезентативных) выборок. Выборочный метод обследования имеет в сравнении со сплошным методом ряд неоспоримых преимуществ, так как обеспечивает оперативность, снижает материальные и трудовые затраты, минимизирует нагрузку на агентов рынка. Но наряду с этим имеет и ряд негативных сторон, главные из которых, это ошибка выборки и ограниченный разрез получаемой информации. В настоящее время официальная статистическая информация о развитии малого бизнеса формируется лишь на областном уровне. Выборочные наблюдения не позволяют получить объективные итоги по муниципальным образованиям, а для оценки этого сегмента рынка по городским округам и муниципальным районам нет ни методики, ни надежной информационной базы. Учитывая это, органы статистики могут предоставлять пользователям информацию, характеризующую экономическое развитие районов и городов, только по крупным и средним предприятиям. Однако, не редко динамика развития предприятий, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, имеет разнонаправленную тенденцию с общей сложившейся экономической ситуацией в районе или городе, что не позволяет объективно оценить социально-экономическое развитие муниципального образования. К тому же, в связи с введением в действие Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» значительная

часть субъектов перешла из круга крупных предприятий в малые, и в районах, по тому или иному виду деятельности, осталось по 1–2 крупные организации. В этих случаях итоги не подлежат публикации в связи с соблюдением требований Федерального закона №282 в части конфиденциальности первичной информации. Поэтому зачастую перед органами статистики возникает вопрос возможности и целесообразности публикации данных по крупным и средним предприятиям и организациям по районам и городам области. В результате один из принципов официального статистического учета и системы государственной статистики, а именно, «обеспечение возможности формирования официальной статистической информации по Российской Федерации в целом, по субъектам Российской Федерации, по муниципальным образованиям» выполняется не в полной мере.

Существуют проблемы при формировании итогов по малому бизнесу и на региональном уровне. Выборки формируются на основе базы данных Генеральной совокупности (БД ГС), которая в силу ограниченной информационной наполняемости не может служить качественной основой для планирования выборочных обследований по субъектам малого и среднего предпринимательства. В БД ГС показатель численности, являющийся одним из критериев для определения типа агентов бизнеса, не заполнен у половины юридических лиц, а у индивидуальных предпринимателей отсутствует вовсе. Это негативно сказывается как на результатах распространения итогов выборочного наблюдения на Генеральную совокупность, так и на распределение субъектов по типам (средние, малые, в том числе микро). Сейчас тип объектов, у которых в БД ГС отсутствует информация о численности работающих, определяется условно: организации, применяющие упрощенную систему налогообложения, относят к малым, остальные к микропредприятиям. Вместе с тем, идентификация малых предприятий крайне важна, так как с 2008 года микропредприятия подлежат только ежегодному выборочному обследованию.

Разрешить вопрос с типизацией агентов рынка, повысить качество основы выборочных обследований малого и среднего бизнеса могла бы интеграция информационных ресурсов налоговой службы, пенсионного фонда, фонда социального страхования. К сожалению, на региональном уровне, в связи с конфиденциальностью первичной информации, получить сведения от этих ведомств не возможно, а межведомственных соглашений нет. Поэтому решить проблемы статистической оценки этого сектора экономики призваны сплошные обследования субъектов малого и среднего предпринимательства. В соответствии с Федеральным Законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ их периодичность установлена один раз в пять лет.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.02.2009 г. № 201-р Росстату поручено провести сплошное обследование субъектов малого и среднего предпринимательства во втором квартале 2011 года (по итогам 2010 года). Перепись малого бизнеса в России – главная масштабная работа Росстата в 2011 году. Она позволит:

- получить полную и достоверную картину развития сектора малого и среднего предпринимательства по видам экономической деятельности в целом по области и по муниципальным образованиям;

- оценить роль малого бизнеса в экономике;
- обеспечить повышение качества статистических оценок параметров и структуры экономики, наличия и использования ресурсного потенциала не только страны в целом, но и каждого субъекта Российской Федерации и муниципального образования;
- помочь в выработке более четких методик расчета, например, валового регионального продукта (ВРП);
- создать основу для планирования дальнейших выборочных обследований;
- обеспечить формирование информационного ресурса, необходимого для прогнозирования развития сектора малого и среднего предпринимательства на перспективу, и разработки действенных мер его государственной поддержки;
- уточнить перечень экономически активных субъектов хозяйствования, видов экономической деятельности, которыми они фактически занимаются, их объемов и параметров;
- создать основы для проведения выборочного обследования в рамках построения базовых таблиц «затраты - выпуск».

Сплошному наблюдению за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства подлежат следующие категории хозяйствующих субъектов, которые в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства:

- Юридические лица – коммерческие организации и потребительские кооперативы, внесенные в единый государственный реестр юридических лиц;
- Физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, прошедшие государственную регистрацию в качестве индивидуальных предпринимателей (статья 23 Гражданского Кодекса Российской Федерации) и внесенные в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей независимо от размеров их деятельности;
- Крестьянские (фермерские) хозяйства.

Для проведения сплошного наблюдения Приказом Росстата от 31.12.2009 г. №334 утверждены формы федерального статистического наблюдения для юридических лиц – № МП-сп «Сведения об основных показателях деятельности малого предприятия за 2010 год», для индивидуальных предпринимателей – № 1-предприниматель «Сведения о деятельности индивидуального предпринимателя за 2010 год». Срок предоставления отчетов до 1 апреля 2011 года.

Перечень вопросов экономической переписи малого бизнеса включает показатели, характеризующие структуру уставного капитала, трудозатраты, объемы производства, отдельные виды затрат на производство товаров (работ, услуг), основные средства и затраты на их приобретение, инновационную деятельность.

Впервые в данном обследовании будут использоваться именные бланки, содержащие реквизиты субъекта малого бизнеса, его адрес, локальный автоматизированный номер обработки и перечень показателей. Автоматизированный номер обработки позволит обеспечить единство документа при ручной и автоматизированной обработке и обезличить

персональные данные. При этом лист анкеты индивидуального предпринимателя, содержащий его персональную и адресную информацию, представляет собой не машиночитаемую часть бланка и не будет участвовать в автоматизированной обработке. Все это обеспечивает защиту и конфиденциальность персональных и первичных данных.

В Орловской области подлежит обследованию более 29 тысяч юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Первые предварительные итоги по основным экономическим показателям деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства предполагается опубликовать в конце 2011 года.

Ценностные ориентации и управленческие доминанты современной студенческой молодежи

С.Н. Макаров, кандидат социологических наук, доцент кафедры,
Смоленский филиал ОРАГС

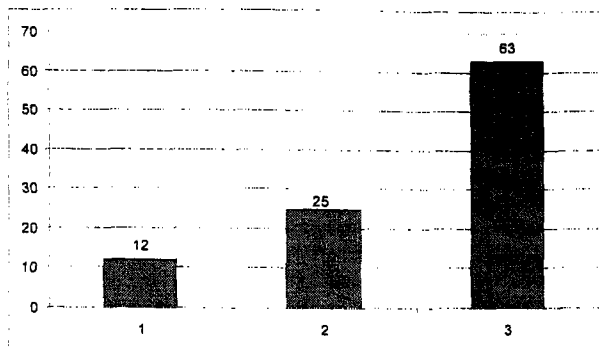
Молодежная среда – это одна из самых мобильных социальных групп общества, которая абсорбирует в себе инновационные модели ценностей, транслируемые через различные социальные институты (семьи, образования, религии, государства). Исследования проблематики молодежных ценностей остаются неизменно актуальными, ведь данная социальная общность является логическим приемником функции субъекта управления. Студенты остаются наиболее мобильной и восприимчивой средой, в которой, как на лакмусовой бумаге, проявляются общественные настроения. Студенческая молодежь достаточно динамично воспринимает новые ценностные ориентации и также быстро девальвирует прежние.

В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотрения ценностных ориентаций молодежной студенческой среды в сочетании с ее управленческими предпочтениями.

Для реализации данного исследования был разработан специальный социологический инструментарий (анкета), в котором в виде двух основных блоков описывались ценностные ориентации и управленческие предпочтения. Следует отметить, что первый блок – «ценностные ориентации» – содержал в виде индикативных конструкций всю палитру ценностей, начиная от так называемых традиционных (патриархальных) и заканчивая либеральными ценностями правого толка. Во втором блоке «управленческие предпочтения» стилевая палитра была представлена в виде индикативных конструкций, где респондент должен был сделать выбор в отношении стиля управления не с точки зрения «нравится – не нравится», а с позиции «эффективный – не эффективный». Такая постановка вопросов провоцировала опрашиваемых с одной стороны заявлять о своих ориентирах деятельности (иначе говоря, ценностях), а с другой стороны позволяла выявить, какие ориентиры деятельности, по мнению респондентов, являются для управления результативными.

Исследование носило анонимный характер, проводилось по методике квотной выборки среди студентов высших учебных заведений Смоленской области в сентябре 2010 года. В опросе приняло участие 174 человека.

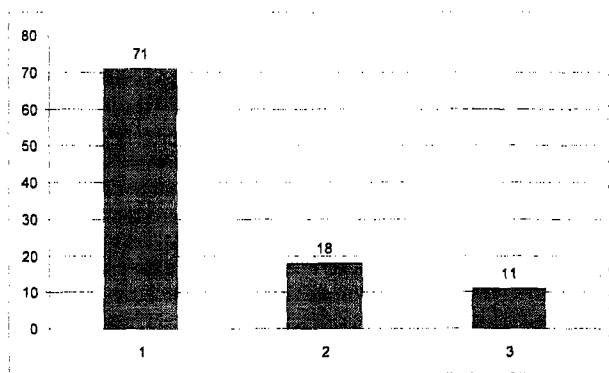
Результаты исследования ценностных ориентаций продемонстрировали следующие распределения (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение результатов исследования
Горизонтальная ось – блоки ценностей по порядку, 1 – традиционные (патриархальные ценности), 2 – демократические идеалы, 3 – либеральные ценности, Вертикальная ось – количество процентов

Подавляющее большинство студенческой молодежи важными для себя считают либеральные ценности. Этот блок ценностей характеризуется полной свободой самоопределения, отсутствием ограничений собственных действий, полной уверенностью в том, что уже достаточно опыта для принятия правильных решений. Социальные институты (семья, образование, государство) уже выполнили свои функции по социализации, и в данный момент только тормозят здоровую инициативу и устремления молодых людей.

В ситуации с управленческими предпочтениями, когда молодым людям, обучающимся в ВУЗах, предлагалось определить эффективный стиль управления, процентные распределения предпочтений выглядят следующим образом (рис. 2).

Рисунок 2. Распределение результатов исследования
Горизонтальная ось – стили управления, 1 – авторитарный, 2 – демократический, 3 – либеральный, Вертикальная ось – количество процентов

Диаграмма наглядно демонстрирует доминирование авторитарного стиля управления. Респонденты из числа студенческой молодежи уверенно полагают, что наиболее результативным в современных реалиях может быть только авторитарный стиль.

Это парадоксальное соотношение либеральных ценностей и жестких рамок авторитарных управленческих ожиданий заставляет несколько иначе взглянуть на молодежную студенческую среду.

Ожидание «вождя в мягких сапогах», который бы оправдывал либеральные ценностные ориентации, на первый взгляд, – абсолютно не сочетаемые тренды. Однако в мировой истории государственного строительства подобные примеры существуют. Самый, по нашему мнению, яркий из них это Ли Куан Ю – премьер-министр Сингапура. Именно ему удалось менее чем за 40 лет превратить небольшой болотистый островок, площадь меньше Киева, куда строительный песок и пресную воду приходилось завозить из Индонезии и Малайзии, в один из самых развитых технологических и индустриальных центров Юго-Восточной Азии, занять важное место не только в региональной политике и экономике, но и в системе мирохозяйственных связей и международной политике. Ли Куан Ю писал и о России: «Что оказалось возможным в Сингапуре – стократ возможно в бывшем СССР. В отличие от коммунистической системы, русские – не те люди, которых можно выбросить на свалку истории».

Таким образом, именно соединение того, что на первый взгляд не сочетается – либеральных идей и авторитарного стиля управления, по мнению молодых людей, и является тем самым третьим путем, по которому должна пойти Россия.

Может быть, наша молодежь права?

Информационные предпочтения студентов в социальных сетях

Н.В. Мироненко, кандидат экономических наук, доцент кафедры ОРАГС

Канатникова Е., группа 5 МОСП

По прогнозу развития Интернета в России, подготовленному компанией «RUMетрика» на основе данных комитета «Системная социология» Российского общества социологов, наша страна будет стопроцентно охвачена Рунетом лишь через 30 лет. Пользователями Сети в России к 2040 году станут 95% жителей, а через 10 лет – 76% населения. Специалисты «RUMетрика» подсчитали, что по степени развития человека в информационном обществе Российская Федерация отстает, например, от Норвегии в 6 раз, а от США – пятикратно.

По мнению студентов инициативной группы – будущих выпускников Орловского государственного университета, – такая перспектива противоречит ценностным установкам молодого поколения, да и слишком пессимистична. По данным другого источника: Фонда общественного мнения Общественной палаты РФ, в 2002 году в России было 8 млн. пользователей Интернета и годовой прирост составлял 8%, причём, тот и другой показатели росли из года в год. В 2009 году в России насчитывалось 38 млн. пользователей и прирост составлял 43%. Относительно активных пользователей в 2010 году уже не менее 43 млн. человек, а это уже треть населения страны. Понятно, что по наиболее дееспособной категории населения процент охвата Интернетом уже приближается к 90 процентам.

Активность студентов и преподавателей, как конкретной среды пользователей Интернета, нами была измерена в ходе опроса на филологическом факультете Орловского Государственного Университета.

Выяснилось, что студенты обращаются к социальным ресурсам, которые предназначены, прежде всего, для индивидуального потребления. В этом признались 60% респондентов.

Одной из задач исследования было выяснить, насколько активно используются социальные сети студентами не только для обучения, но и в других социально-общественных целях.

Оказалось, что студенты охотно соглашаются с коллективным использованием информационных ресурсов, практикой обмена информацией и знаниями, если при этом сохраняются индивидуальные и не возникают совместные обязательства. К таким формам коллективного творчества в социальных сетях относятся бизнес-проекты в сфере информационных технологий, совместные пиар-акции, молодежные тусовки. Неформальное социальное общение продуцируется внутри студенческой среды и дает ощущение самостоятельности, но, в тоже время, оно усиливает состояние

неопределенности за счет сужения социального интереса и понимания проблем в рамках мировоззрения сокурсников.

На рисунке 1 представлены ключевые показатели пользования социальными сетями студентов кафедры связей с общественностью и журналистики Орловского Государственного Университета. Из рисунка видно, что 48% студентов в социальных сетях общаются с друзьями и знакомыми, 6,5% зарегистрированных посещают социальные сети и воспринимают их как развлечение или игру, 9% – с их помощью ищут информацию о третьих лицах; 27% – используют как библиотечный ресурс.

Лидерами по количеству пользователей являются Odnoklassniki.ru (58%), Vkontakte (39%) и Мой мир. Mail.ru (12%); 27% пользователей Рунета вообще не пользуются социальными сетями, а предпочитают свободный поиск по сайтам или целенаправленно ищут необходимую информацию на специализированных библиотечных сайтах и студенческих порталах учебных заведений.

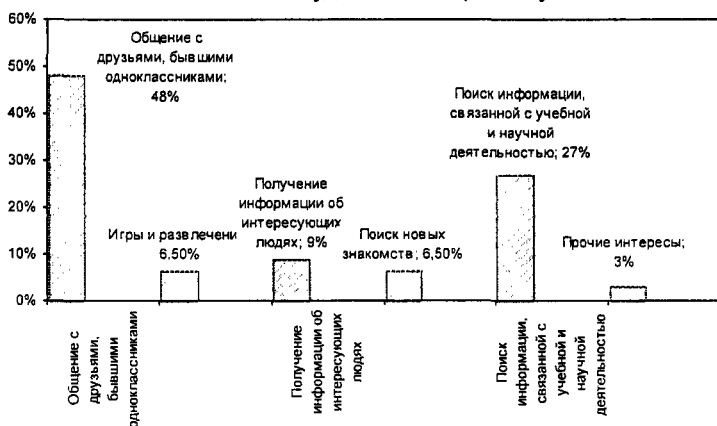

Рисунок 1. Цели использования социальных сетей студентами филологического факультета ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»

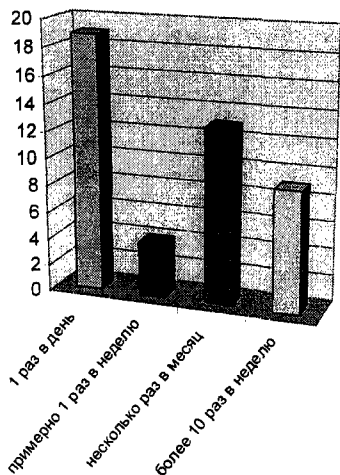
В ходе исследования интернет-активности преподавателей были выявлены особенности поведения преподавателей филологического факультета университета в социальных сетях: только 24%, использующих социальные сети, делают это для поддержания контакта со своими друзьями и знакомыми; поиском старых знакомых такими методами занимаются 13% респондентов; 54% опрошенных рассматривают социальные сети как способ времяпрепровождения – игру или развлечение, поэтому не пользуются данной сетью. По 17% респондентов ищут там новых знакомств, собирают информацию об интересующих людях и общаются с единомышленниками, но не самостоятельно, а через близких родственников или детей, 8% – «мониторят» круг знакомых и поведение своих близких.

Среди прочих социальных сетей данные студенческих предпочтений распределились следующим образом: профессиональная сеть «Мой круг» – 15%, Professional.ru (сообществ по интересам) – 18%, остальные социальные сети

в сумме набрали 17% голосов пользователей, а 49% признались, что вообще не пользуются социальными сетями.

Если судить о частоте пользования социальными сетями, то тройка лидеров безусловна. При этом пользователи *Vkontakte* оказались активнее участников *Odnoklassniki.ru*: 35% пользователей «ВКонтакте» против 29% участников проекта *Odnoklassniki.ru* чаще всего посещают эти социальные сети. На долю «Мой мир» *Mail.ru* приходится 20% посещений. *Facebook*, «Мой Круг» и *MySpace* собрали всего по 3% регулярных посещений пользователей, прочие социальные сети – порядка 8%.

Почти треть (39%) пользователей социальных сетей среди преподавателей заходят в свой аккаунт от 2 до 4 раз в неделю. Примерно каждый пятый (21%) посещает их более 10 раз в неделю, чуть менее – 17% – до 5 раз в неделю. Активность студентов в социальных сетях в Рунете представлена на рисунке 2.

Рисунок 2. Частота использования социальных сетей студентами (%)

На рисунке видно, что 19% респондентов заходят в социальные сети раз в день, 4% ответили, что уделяют им время примерно раз в неделю и 13% несколько раз в месяц, около 9% заходят более 10 раз в неделю.

Что касается выхода в социальные сети посредством мобильного доступа в сеть, доля почитателей этой возможности в Рунете пока не велика: 87% не пользуются вовсе, иногда (1–2 раза в месяц и реже) – 17%.

В целом, можно отметить, что студенты и преподаватели всё активнее участвуют в различных социальных сетях и проводят в них всё больше времени. Для большинства это ещё одна возможность общаться с друзьями и знакомыми, для других – своеобразное «окно в мир», однако большим почитателям сервисов нельзя забывать об элементарных мерах безопасности и сообщать данные о себе с некоторой оглядкой на возможных злоумышленников: ведь примерно каждый десятый пользователь посещает социальные сети с исследовательским интересом.

Рубрику ведет Болховитина Татьяна Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, директор Брянского филиала ГОУ ВПО «Орловская региональная академия государственной службы»

Профессиональное развитие государственных гражданских служащих в условиях административной реформы

Г.В. Макарова, начальник управления государственной службы и организационной работы администрации Брянской области, кандидат социологических наук

В рамках административной реформы происходят инновационные процессы в системе государственной гражданской службы, главной целью которых является повышение эффективности государственного управления, что в свою очередь, определяет необходимость создания действенных механизмов кадрового обеспечения государственных органов, повышения их кадрового потенциала.

Немалая роль в том, чтобы государственная служба работала эффективно, отводится привлечению в ее ряды высокопрофессиональных специалистов. Этому способствует престиж государственной службы. Конкретное лицо понимает, что при поступлении на государственную гражданскую службу и замещении должности приобретает соответствующий социальный статус в социальной структуре общества, выполняет определенную ролевую функцию. Одновременной с этим у него появляется возможность принимать управленческие решения, воздействовать на многочисленные группы людей и их сферы жизни, появляются преимущества по сравнению с другими группами, определенные привилегии. Высокий социальный престиж государственной службы мотивирует госслужащих ценить свою работу, держаться за нее и не стремиться в частный сектор.

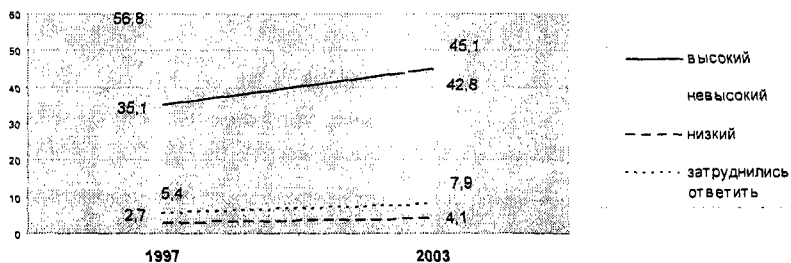
Детальный анализ зависимости уровня престижа государственной службы и мобильности проведен на основе сравнительного анализа эмпирических данных, полученных социологическим центром РАГС в ходе трех социологических исследований. Первый опрос проведен в октябре 1997 г. В опросе приняли участие 1351 государственных служащих и 42 эксперта – должностные лица, курирующие и осуществляющие кадровую работу в аппаратах федеральных и региональных органов власти. Выборочную совокупность составили работники ведущих и более высоких групп должностей Реестра государственной службы РФ, занятые:

- в центральных аппаратах шести федеральных министерств и ведомств;
- в территориальных (в субъектах РФ) структурах Министерства финансов РФ и Государственной налоговой службы России;

– в правительствах и администрациях 12 регионов, представляющих 11 экономико-географических зон страны (Севера, Центра, Урала, Сибири, Дальнего Востока и др.) и все административно-территориальные типы субъектов РФ (национальные республики, края, области, автономные округа).

Выборочная совокупность опрошенных репрезентировала генеральную совокупность государственных служащих федеральных и региональных органов исполнительной власти по основным показателям должностного и социально-демографического состава, зафиксированным Госкомстатом РФ по состоянию на 1 января 1997г.

В опросе, проведенном РАГС в декабре 2002 г. участвовало 340 человек. Выборочная совокупность составила 340 государственных служащих органов исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа, замещающих высшие, главные, ведущие и старшие должности. Следующий опрос проведен социологическим Центром РАГС в ноябре 2003 г.¹ Опросы государственных служащих в перечисленных исследованиях посвящены престижности госслужбы, этическим нормам и правилам поведения служащих, адаптации работы служащих к условиям формирующегося под воздействием административной реформы гражданского общества. Сравнительный анализ ответов государственных служащих на вопрос: «Какой, на Ваш взгляд, престиж в глазах окружающих Вас людей имеет статус работника органа государственной власти?» в 2003 году по сравнению с 1997г., показал рост престижа государственной службы в глазах самих управленцев (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика престижа государственной службы (по оценкам государственных служащих)

По сравнению с 1997 г. доля высоких оценок престижности возросла, что является благоприятным социально-психологическим фактором реформирования государственной службы. Критической точкой изменения оценок в пользу высокого уровня престижа государственной службы стали 2002-2003 годы, наиболее насыщенные в плане принятия документов по реформированию государственной службы. Престижность государственной службы с этого времени играет роль фактора, влияющего на профессиональную мобильность государственных служащих.

Как показывают данные выборочного социологического опроса, проведенного автором в мае-сентябре 2009 года, 43,0% опрошенных считают престиж государственного гражданского служащего в глазах окружающих

людей высоким, 23,1% считают, что престиж невысокий, 27,8% респондентов затруднились ответить, и только 4,9% считают, что престиж низкий.

Задача реформирования состоит в обеспечении эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих и повышении их профессионального уровня. Для качественного управления процессами профессиональной мобильности важно регулярно исследовать кадровый состав, используя социологические методы, проводить мониторинг профессиональной подготовки и переподготовки, повышения квалификации и стажировки госслужащих, на основе которого разрабатывать программы профессионального развития, проводить оценку результатов работы. Важная роль в регулярной оценке профессионального развития госслужащих отводится разработке и внедрению индивидуальных планов профессионального развития. Оценка результатов профессиональной служебной деятельности происходит посредством аттестации и квалификационного экзамена².

Важной составляющей эффективной деятельности гражданского служащего в современных условиях является профессионализм. Профессионализм – степень развития профессиональных качеств личности в рамках определенной специальности. Профессионализм способствует укреплению социальной позиции личности в обществе за счет социальных установок профессионала (вне зависимости от конкретной специальности): первичная ориентация на служение обществу в противовес личной выгоде; соблюдение этического кодекса; восприятие собственной профессиональной группы как центрального референта; следование правилам профессиональной культуры; стремление к автономии (высокой степени независимости) от оценки непрофессионалов. Основные показатели профессионализма: превышение личностью нормативных и средних показателей, творческая активность личности, связанная с деятельностью и направленная на нестандартное решение производственных задач, способствующая повышению качества и количества продукта труда, развитие самой личности в процессе трудовой деятельности³.

В российском законодательстве государственная гражданская служба определяется и формулируется следующим образом: «Государственная гражданская служба Российской Федерации – вид государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации»⁴.

В качестве ведущего признака понятия «государственная служба» выделяется профессиональная деятельность, осуществляемая на основе специальных знаний и навыков, которые означают непрерывное и компетентное обеспечение полномочий государственных органов лицами, находящимися на государственных должностях.

Профессиональная ориентация госслужащих определяется спецификой нормативно – правового регулирования, т. е. функцией организационного управления, правилами профессиональной деятельности, регламентирующими

отношения организаций и работников, социальные и экономические принципы трудового процесса.

Опыт практической работы автора в сфере кадровой службы подтверждает, что при отборе кадров необходимо разделять формальный профессионализм, критерии которого закреплены законодательно в виде квалификационных требований к должности, и реальный профессионализм, предполагающий повышенную социальную ответственность государственного гражданского служащего. Оценка формального профессионализма не представляет трудностей при проведении конкурсных процедур, но формальный подход не отражает реальных способностей госслужащих и не должен быть решающим при отборе кадров. «Нельзя оценивать состояние кадров гражданской службы на основе только формализованных показателей (возраст, образование, стаж работы, пол). Необходимо выявлять способности работников эффективно выполнять возложенные на них функции, права, обязанности»⁵.

Таким образом, государственная гражданская служба – не просто вид профессиональной деятельности, область самореализации личности, но и служение обществу и государству, которое требует, прежде всего, гражданской сознательности, наличия нравственных и гражданских качеств у госслужащих. В числе таких качеств можно упомянуть демократическую ориентацию как понимание необходимости защиты интересов граждан, а не неких абстрактных «высших интересов» и тем более своих личных и корпоративных, обязанности служить людям, а не господствовать над ними, открытость контролю со стороны общественности, институтов гражданского общества и т.д.⁶

В рамках реформирования государственной гражданской службы проводится систематическая работа по привлечению на государственную гражданскую службу граждан, обладающих высоким уровнем профессионализма.

Введены нормативно закреплённые квалификационные требования к каждой категории должностей, что служит предпосылкой для повышения профессионализма государственных служащих. Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам также обозначены в должностном регламенте государственного гражданского служащего.

Закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁷, выделяет два основных направления должностного роста гражданского служащего:

- продвижение по классным чинам – профессионально-квалификационное развитие персонала государственной гражданской службы;
- продвижение по должностям – профессионально-должностное развитие персонала государственной гражданской службы.

Степень развития российского общества такова, что поиск адекватного научно-теоретического ответа на социальный запрос общества о требованиях к профессионально – квалификационной характеристике современного персонала государственной службы приводит к осознанию роли государственных служащих в политике государства, означающей динамизм и способность организации откликаться на общественные потребности. Это главное, что делает современные государственные институты важной частью социальных структур российского социума.

Процессы реформирования государственной гражданской службы, проходящие в рамках административной реформы, меняют не только подходы к организации государственной гражданской службы, но и мотивацию государственных гражданских служащих. Это подтверждено данными социологического опроса, проведенного автором в рамках диссертационного исследования. В качестве ведущих мотивов⁸ при прохождении государственной гражданской службы 63,6% респондентов указали стремление полнее реализовать свои профессиональные качества, 52,7% – желание принести реальную пользу обществу своим трудом, 33,6% – стремление служить государству, 27,2% – стремление защищать законные интересы граждан, 22,9% – стремление обеспечить перспективы должностного роста, что говорит о том, что в рамках реформирования государственные гражданские служащие начинают осознавать социальную направленность государственной службы и нацелены на восходящую вертикальную профессиональную мобильность. Такие мотивы как стремление занять престижное место в обществе (8,1%), возможность завести нужные связи и знакомства (2,3%), стремление решить вопросы личного характера (1,5%) не являются ведущими. Это является признаком того, что в рамках реформирования происходят определенные изменения в мотивации государственных гражданских служащих, которые начинают осознавать, что по своему содержанию государственная гражданская служба – это не просто вид профессиональной деятельности, область самореализации личности, но и служение обществу, государству, которое требует, прежде всего, гражданской сознательности⁹.

Возрастающие требования к служебной деятельности государственных гражданских служащих, служебному поведению, необходимость соответствовать новым стандартам и требованиям времени, обуславливают непрерывное профессиональное развитие, получение и применение новых знаний в практике работы.

В то же время, «связь между приобретением новых знаний и возможностью перехода на более высокооплачиваемую работу в большей степени прослеживается у представителей персонала частных организаций, трудовая мобильность которых выше, и для них дополнительное образование – это не только удовлетворение потребности соответствовать трудовой должности, но и возможность приобретения гарантий на случай перехода на новую работу»¹⁰.

46,5% респондентов, представителей частных организаций рассматривают получение дополнительного образования в качестве фактора, который даст возможность перейти на более высокооплачиваемую работу.

Среди представителей органов государственного и муниципального управления только 40,8% респондентов считают, что прохождение дополнительного обучения даст возможность перехода на более интересную работу; 33,4% представителей частных организаций рассматривают получение дополнительного образования в качестве фактора, который позволит перейти на более высокую должность, среди государственных и муниципальных служащих этот показатель ниже, и составляет 31,0%¹¹.

Констатируемое рассогласование интересов субъекта и объекта управления приводит к факторам, тормозящим развитие у госслужащих мотивации профессиональной мобильности путем переподготовки и повышения квалификации, так как на сегодняшний день отсутствует явная взаимосвязь между профессиональным обучением и должностным ростом работников органов власти.

Выявленная тенденция позволяет сделать вывод, что усиление взаимосвязи профессиональной подготовки и должностного роста по-прежнему остается резервным фактором повышения заинтересованности госслужащих в профессиональном обучении. При повышении государственного гражданского служащего в должности по-прежнему зачастую «культивируются не профессиональный рост и фактическая результативность достижения социальных целей, а послушность начальникам, добросовестное выполнение их поручений»¹².

Как показывает приведенный анализ, повышение квалификации, дополнительное профессиональное образование, не являются ведущими характеристиками при принятии решения о должностном продвижении государственных гражданских служащих. Это утверждение подтверждено также результатами социологического исследования, проведенного автором.

Только 29,3% респондентов ответили, что повышение квалификации государственного гражданского служащего способствует его служебному росту в органах государственной власти, а 20,3% считают, что повышение квалификации не способствует служебному росту государственного гражданского служащего. В качестве причин, не позволяющих рассматривать повышение квалификации в качестве ведущей характеристики при принятии решения о должностном росте государственного гражданского служащего, были названы: отсутствие вакантных должностей – 50,1%; субъективизм руководителя – 8,3%, отсутствие продуманной системы управления карьерой государственных гражданских служащих организации – 16,7%; отсутствие у самого государственного гражданского служащего стремления к карьерному росту – 10,1%.

Повышение профессионального уровня должно стать стимулом для должностного роста государственного гражданского служащего, изменения его социального статуса. Профессиональные качества государственных гражданских служащих формируются в различных социально – значимых сферах жизни, компетентностные характеристики складываются из разностороннего образования. По результатам социологического опроса¹³, 70% опрошенных испытывают потребность в дополнительной профессиональной подготовке. Эти данные служат подтверждением того, что профессиональное образование государственных гражданских служащих должно быть непрерывным. Для качественного исполнения должностных обязанностей 47,8% государственных гражданских служащих отмечают потребность в получении дополнительных знаний по правовым вопросам, 34,6% – по специальным вопросам служебной деятельности, 32,4% – по компьютерным технологиям. Эффективными видами профессиональной переподготовки в условиях реформирования государственной гражданской службы названы краткосрочные семинары по актуальным проблемам –

62,5%, традиционные формы профессионального обучения в виде повышения квалификации, обучения в профильных вузах и стажировок – 54,3%, профессиональное консультирование с использованием Интернет-технологий – 28,1% .

Принцип профессионализма и компетентности государственных гражданских служащих закреплён Законом Брянской области от 16 июня 2005г. «О государственной гражданской службе Брянской области». В соответствии со статьями 62–63 вышеназванного Закона повышение профессионализма и компетентности государственных гражданских служащих обеспечивается посредством профессиональной переподготовки, повышения квалификации и прохождения стажировки.

Профессиональное развитие государственных гражданских служащих рассматривается как социальный процесс, происходящие процессы реформирования системы государственного управления, изменения во всех сферах общества требуют от государственных гражданских служащих широкого спектра знаний и высокого профессионализма. Именно профессионализм и должен стать главным фактором в должностном продвижении государственных гражданских служащих. Кадровые подразделения должны обладать статистической информацией об уровне образования государственных гражданских служащих, что позволит планировать работу по организации дополнительного профессионального образования, принимать верные управленческие решения.

Необходимо отметить, что закреплённые законодательством о государственной гражданской службе квалификационные требования способствуют повышению уровня образования гражданских служащих региона. В 2007 году чиновники со средним специальным образованием составляли 6,6 % от общего количества государственных служащих, специалисты с высшим образованием – 88,6%.

К 2010 году произошло повышение качественного состава и образовательного уровня государственных гражданских служащих. Количество специалистов с высшим образованием возросло и составляет 94,3 %, в то же время количество госслужащих со средним специальным образованием снизилось на 2,9 % и составляет 3,7 % от общего количества. Этот процесс объясняется как общей тенденцией повышения интереса к образованию в обществе, так и законодательно установленными квалификационными требованиями к должностям государственной гражданской службы.

За 2008–2009 годы проводилась целенаправленная работа руководителей государственных органов по повышению профессионального уровня государственных гражданских служащих, в результате чего профессиональную переподготовку и повышение квалификации прошли 25 % государственных гражданских служащих.

В настоящее время в практику обучения гражданских служащих внедряются новые образовательные технологии и методы, направленные на повышение эффективности и результативности деятельности государственных органов Брянской области, их должностных лиц.

Необходимо отметить, что по данным социологических исследований, «организации, прямо относящиеся к сфере государства, в большей степени ориентированы на традиционные технологии работы с кадрами

(аттестация, квалификационный экзамен, конкурс), то есть на непрерывный процесс профессионализации кадров и контроля качества кадрового потенциала организации»¹⁴.

В современном обществе становится необходимым использование компьютерных коммуникаций. Необходимо признать, что государственная служба не удовлетворяет полностью потребности в использовании информационных технологий. Причины, вызвавшие это явление в отечественной системе управления – недостаточность финансирования и обеспечения компьютерами, порой нежелание и консервативность руководства внедрять инновационно – обучающие технологии. Все это вызывает нехватку квалифицированных кадров, проводящих новые идеи в практическую деятельность. Внедрение инновационных, компьютерных технологий, коммуникаций в практику управления на всех уровнях будет способствовать в целом росту профессионализма, укреплению обратной связи с гражданским обществом. Для решения этой задачи в областной целевой программе администрации Брянской области «Информатизация Брянской области (2007–2010 гг.)» предусмотрены меры, в том числе по компьютеризации и информатизации государственной службы области.

Реализация данной программы позволит государственным гражданским служащим региона освоить и внедрить в практику работы современные информационные технологии, оказание услуг населению, электронный документооборот, научиться навыкам работы с компьютером, повысит их профессиональный уровень. Таким образом, субъект управления заинтересован обучить госслужащих использованию новых технологий, но при этом интересы субъекта и объекта управления не всегда совпадают.

Части государственных гражданских служащих присуща низкая инновационная культура, недостаточная познавательная активность. Некоторые госслужащие не испытывают потребности в постоянном обновлении профессиональных знаний и их эффективном использовании. Для этого есть несколько причин, ряд из которых был отмечен ранее, во-первых, нет зависимости должностного продвижения от качества полученного образования, во-вторых, отсутствует дифференцированная система оплаты труда, ориентирующаяся на результат профессиональной служебной деятельности госслужащего. Хотя, общепризнанно, что «в социальном управлении первостепенное значение имеет воздействие на мотивацию деятельности подчиненных, их побуждение к эффективной работе путем удовлетворения присущих им потребностей и интересов»¹⁵.

В то же время, рассматривая проблему профессионального развития государственных гражданских служащих, «нельзя отождествлять профессиональное развитие служащего с его профессиональным образованием. Профессиональное развитие заключается, прежде всего, в формировании у служащих профессионально значимых современных качеств (главное из них – служение государству и обществу), которые необходимы для эффективного исполнения должностного регламента и нуждаются в постоянном обогащении. Потенциал, способности, знания и опыт сотрудника должны быть востребованы; без этого они могут угасать и даже утрачиваться»¹⁶.

В Брянской области принята и успешно реализуется программа «Реформирование и развитие государственной гражданской службы Брянской области». Одной из задач данной программы является содействие повышению эффективности и качества государственного управления при помощи системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих Брянской области.

Профессиональное обучение государственных гражданских служащих рассматривается как важная составная часть профессионального развития. Важно отметить, что в период с 2005 года по настоящее время в Брянской области осуществляется работа по подготовке, профессиональной переподготовке и повышению квалификации государственных гражданских служащих на основании договоров, заключенных с учебным заведением высшего профессионального образования по итогам конкурса образовательных учреждений.

В рамках реформирования государственной гражданской службы Брянской области, обучение государственных гражданских служащих приобретает системный характер. За 2006 год прошли обучение 15 % государственных гражданских служащих, проведен цикл занятий для различных категорий государственных гражданских служащих, связанных с содержанием административной реформы и ее практической реализацией с привлечением специалистов научных центров, занимающихся данными проблемами,¹⁷ в 2008 году прошли дополнительное обучение 26,2% государственных гражданских служащих¹⁸.

В 2009 году, на фоне проводимой административной реформы, количество государственных гражданских служащих, прошедших профессиональное обучение составило 24 %. Для реализации мероприятий административной реформы необходимы новые системные знания гораздо большему количеству государственных служащих. Для удовлетворения потребности органов государственной власти Брянской области в профессиональных кадрах государственных служащих, реализуются профессионально-образовательные программы обучения государственных служащих. Кроме того, профессиональная переподготовка обеспечивает структурно-организационные изменения органов власти, динамику государственного управления, в процессе которых происходит неизбежное перемещение работников государственного аппарата из одного органа власти в другой. Подобный процесс требует от государственных гражданских служащих быстрого освоения новых для них полномочий, инновационных способов и технологий обеспечения этих полномочий¹⁹. В Брянской области процесс проходит в рамках государственного заказа на профессиональную переподготовку и опирается на прогнозы возможных реорганизаций государственного аппарата.

По итогам обучения управлением государственной службы и организационной работы администрации области введена практика проведения анкетирования слушателей курсов. Данное анкетирование позволяет изучить степень удовлетворенности государственных гражданских служащих содержанием учебной программы, узнать насколько полученные знания смогут быть использованы в практической работе, а также усовершенствовать учебный процесс, учесть мнение слушателей при проведении конкурса высших

учебных заведений и разработке программ обучения. Как правило, слушатели высказывают пожелание привлекать для проведения занятий преподавателей-практиков, больше проводить практических занятий, обеспечивать методическими материалами.

В период прохождения государственной службы происходят постоянные изменения в деятельности государственных органов управления, изменяются требования к руководителям и специалистам, которые должны современно мыслить, принимать эффективные управленческие решения. В этих условиях гражданские служащие обязаны постоянно поддерживать необходимый профессиональный уровень, поэтому дополнительное профессиональное образование должно быть непрерывным и систематическим. Следовательно, одна из первоочередных задач субъекта управления – формирование потребности государственных служащих в постоянном профессиональном развитии и обновлении знаний.

По данным социологического опроса²⁰ в качестве мотивов, которые побуждают государственных гражданских служащих проходить дополнительное обучение, 55,6% респондентов назвали потребность в новых знаниях; 45,0% считают, что обучение помогает работать эффективнее, рациональнее, качественнее; 17,9% рассматривают обучение как возможность перехода на более интересную работу; 23,1% считают обучение способом перехода на более высокооплачиваемую работу; 23,9% считают, что обучение помогает перейти на более высокую должность. Это служит подтверждением того, что дополнительное профессиональное образование рассматривается госслужащими как способ изменения своего профессионального и должностного статуса.

Для организации эффективного профессионального развития государственных гражданских служащих необходимо решить первостепенные задачи:

- усовершенствовать систему профессионального образования государственных гражданских служащих, стандартов и программ подготовки и профессионального развития кадров на основе открытого конкурсного отбора этих программ, а также проведения конкурсов среди самих образовательных учреждений;
- придать практическую направленность дополнительному профессиональному образованию, больше привлекать преподавателей-практиков;
- обеспечить обучение государственных гражданских служащих с учетом специфики профессиональной деятельности и ранее полученного образования. Реализация данной проблемы потребует дополнительного финансирования, что является проблемой для дотационных регионов;
- разработать механизм оценки результативности полученного образования и его влияния на эффективность профессиональной деятельности государственного гражданского служащего;
- при организации дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих в условиях реализации административной реформы важно не только повысить профессиональные знания, но и сформировать осознание того, что чиновник выполняет социально-сервисную функцию, служит обществу и конкретному гражданину;

– нормативно закрепить получение дополнительного профессионального образования в качестве одного из основных критериев при принятии представителем нанимателя решения о должностном повышении государственного гражданского служащего.

При организации дополнительного профессионального образования гражданских служащих в условиях реализации административной реформы важно не только повысить профессиональные знания, но и сформировать осознание того, что чиновник выполняет социально-сервисную функцию, служит обществу и конкретному гражданину. Умение учитывать интересы граждан и профессионализм должны стать главными критериями в оценке персонала и стимулами для продвижения государственных гражданских служащих по служебной лестнице.

Необходимо внедрять в практику дополнительного профессионального образования новые программы, технологии и методы, развивающие инновационную культуру и познавательную активность государственных гражданских служащих.

Литература

1. Закон РФ от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
2. Арутюнян А. Программы подготовки кадров для государственной службы. Французский подход. // Государственная служба, 2005. – № 5.
3. Калининченко Л.А. Социальная организация государственной службы. – М.: РАГС, 2000. – С.71.
4. Костюков А. Диагностика профессионального потенциала кадров системы регионального управления. // Госсужба, 2005 – № 1.
5. Киричук С. Кадровое обеспечение органов власти. // Служба кадров и персонал, 2005. – №9.
6. Литвинцева Е.А., Панин И.Н., Пономаренко Б.Т., Сулемов В.А., Турчинов А.И. Порядок подготовки и содержание деятельности государственных органов по профессиональному развитию персонала государственной гражданской службы // Оценка и профессиональное развитие государственных служащих: монография; под общ. ред. А.И. Турчинова. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 103.
7. Магомедов К. Проблемы формирования позитивного имиджа государственной службы // Государственная служба. 2007, № 5 (49). С. 39; Барциц И. О перспективах научных исследований государственной службы Российской Федерации // Государственная служба. 2007, № 3(47). С. 65.
8. Магомедов К.О. Проблемы формирования позитивного имиджа государственной службы // Государственная служба. 2007, – №5(49). – С. 39.
9. К.О. Магомедов, А.И. Турчинов. Государственная служба и кадровая политика: теория и практика. Информационно-аналитические материалы по результатам социологических исследований, проведенных кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации в 2001–2006 годах. – Ульяновск, ОГУП «Областная типография «Печатный двор», 2007. – С. 234.

10. Марченко И. Квалификационный экзамен в кадровой работе государственных органов, рекомендации к применению. // Государственная служба. 2005. – №2.
11. Реймаров Г. Опыт оценки персонала с использованием системно – аналитического подхода. // Управление персоналом, 2005. – № 4.
12. Резвина Ю. Профессиональная компетентность персонала: реализация функций. // Человек и труд, 2006. – №6.
13. Социологическая энциклопедия. – М.: Мысль/ Рук. Н. проекта Семигин Г.Ю. 2003, Т. 2-С. 276.
14. Социология управления./ Под ред. д.ф.н., профессора В.Э. Бойкова.– М.:РАГС, 2006.– С. 86.
15. Турчинов А.И., Магомедов К.О. Современные проблемы кадровой политики и управления персоналом России. Социологический анализ: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2009.– С.32.
16. Турчинов А.И., Магомедов К.О., Кононенко Т.А. Актуальные проблемы кадровой политики и управления персоналом: Материалы социологического опроса (сентябрь-октябрь 2007 года). – М.: Изд-во РАГС, 2009.– С. 32.
17. Турчинов А.И., Магомедов К.О. Современные проблемы кадровой политики и управления персоналом в России. Социологический анализ: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С.41.

¹ Данные выборочного социологического опроса государственных служащих органов исполнительной власти РФ «Кадровый потенциал государственной службы: исследование мотивации к учебе и условий профессионального продвижения кадров», проведенного Социологическим центром РАГС.

² Марченко И. Квалификационный экзамен в кадровой работе государственных органов, рекомендации к применению. // Государственная служба. 2005. – № 2; Реймаров Г. Опыт оценки персонала с использованием системно-аналитического подхода. // Управление персоналом, 2005. – № 4; Резвина Ю. Профессиональная компетентность персонала: реализация функций. // Человек и труд, 2006. – № 6.

³ Социологическая энциклопедия. – М.: Мысль / Рук. проекта Семигин Г.Ю. 2003, Т. 2 – С. 276.

⁴ Закон РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»

⁵ Магомедов К. Проблемы формирования позитивного имиджа государственной службы. // Государственная служба. 2007, № 5 (49). С. 39; Барциц И. О перспективах научных исследований государственной службы Российской Федерации // Государственная служба. 2007, №3 (47). С. 65.

⁶ Социология управления / Под ред. д.ф.н. профессора В.Э. Бойкова. – М.:РАГС, 2006. – С. 86.

⁷ Закон РФ от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

⁸ Автором в мае-сентябре 2009 г. был проведен опрос методом анкетирования 533 государственных гражданских служащих Брянской области по актуальным проблемам реформирования государственной гражданской службы Брянской области. Сумма не равна 100, т.к. респондентам можно было выбрать несколько вариантов ответов.

⁹ Магомедов К.О. Проблемы формирования позитивного имиджа государственной службы. // Государственная служба. 2007, – №5(49).– С. 39.

¹⁰ Турчинов А.И., Магомедов К.О. Современные проблемы кадровой политики и управления персоналом России. Социологический анализ: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 32.

¹¹ Турчинов А.И., Магомедов К.О., Кононенко Т.А. Актуальные проблемы кадровой политики и управления персоналом: Материалы социологического опроса (сентябрь-октябрь 2007 года). – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 32.

¹² Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы. – М.: РАГС, 2000. – С. 71.

¹³ Данные выборочного социологического опроса государственных служащих органов исполнительной власти РФ «Кадровый потенциал государственной службы: исследование мотивации к учебе и условий профессионального продвижения кадров», проведенного Социологическим центром РАГС.

¹⁴ Турчинов А.И., Магомедов К.О. Современные проблемы кадровой политики и управления персоналом в России. Социологический анализ: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 41

¹⁵ Социология управления/ Под общ. Ред. В.Э. Бойкова. – М.: РАГС, 2006. – С. 204.

¹⁶ Литвинцева Е.А., Панин И.Н., Пономаренко Б.Т., Сулемов В.А., Турчинов А.И. Порядок подготовки и содержание деятельности государственных органов по профессиональному развитию персонала государственной гражданской службы// Оценка и профессиональное развитие государственных служащих: монография; под общ. ред. А.И. Турчинова. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 103.

¹⁷ Аналитическая информация администрации Брянской области на 01.01.2007 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Костюков А. Диагностика профессионального потенциала кадров системы регионального управления. // Госслужба, 2005 – № 1; Киричук С. Кадровое обеспечение органов власти. // Служба кадров и персонал, 2005. – № 9; Арутюнян А. Программы подготовки кадров для государственной службы. Французский подход. // Государственная служба, 2005. – № 5.

²⁰ К.О. Магомедов, А.И. Турчинов. Государственная служба и кадровая политика: теория и практика. Информационно-аналитические материалы по результатам социологических исследований, проведенных кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации в 2001–2006 годах. – Ульяновск, ОГУП «Областная типография «Печатный двор», 2007. – С. 234.

Рубрику ведет Устинова Тамара Петровна – руководитель территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Орловской области

2010 год был богат на события, как для специалистов-статистиков, так и для всех жителей нашего региона, а особенно тех, кто регулярно или периодически пользуется по роду своей деятельности материалами, которые собирают и обобщают работники статистических служб. Назовем наиболее важные события:

Во-первых, это проводившийся 20 октября 2010 года впервые в своей истории Всемирный день статистики.

Официальная статистика важна для общества и правительства всех стран. На сегодня статистические данные высокого качества доступны на национальном, региональном и мировом уровнях. Они используются в публичных дебатах, в принятии политических решений и бизнес-решений. Национальные статистические службы, занимающиеся сбором и распространением официальной статистики, стали важными национальными институтами. Формирование качественных статистических данных осуществляется посредством проведения переписи населения, обследований домашних хозяйств или населения, интеграции административных данных, расчета и оценки ВВП, цен или оценки Целей Развития Тысячелетия, статистики рождаемости и смертности.

Около 80 стран мира ежегодно празднуют День статистики в своих странах, некоторые страны соблюдают недельную продолжительность или празднуют День статистики каждые пять лет.

Празднование Всемирного Дня Статистики было инициировано Статистическим отделом ООН и планировалось как уникальное событие.

Главная тема празднования Всемирного Дня Статистики – это «Празднование многих достижений официальной статистики, основные ценности Служение, Добросовестность, Профессионализм».

Целью Всемирного Дня Статистики является увеличение известности многих достижений официальной статистики. Данное мероприятие адресовано широкой аудитории от респондентов до пользователей статистических данных.

«Статистика служит основой для многих правительственных решений в сфере предпринимательской и общественной деятельности и дает информацию о тенденциях и силах, которые влияют на нашу жизнь», – говорится в послании по поводу Всемирного Дня Статистики Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна.

По данным ООН, только в 2010 году в переписях населения и жилого фонда в целом ряде стран мира, в том числе в России, примут участие около 3 миллиардов человек. «Статистические данные, собранные во время таких исследований и переписей, отражаются на ходе планирования, связанного со школами, больницами, дорогами и многим другим», – отметил в своем послании Пан Ги Мун.

Он подчеркнул, что статистика «является жизненно важным инструментом экономического и социального развития, в том числе, в усилиях по

достижению Целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия». «Для того, чтобы процесс развития протекал успешно, мы нуждаемся в сборе данных и статистическом анализе уровня бедности, доступности образования и распространения болезней», – говорится в послании.

Генеральный секретарь ООН напомнил, что статистическая комиссия Организации Объединенных Наций, учрежденная в 1947 году, установила международные методологические стандарты и руководящие принципы практически в каждой сфере статистики». «Она играет ключевую роль в оказании правительствам помощи в совершенствовании их статистической отчетности, обеспечивая беспрецедентную степень доступности данных и их сопоставимости применительно к самым разным странам и регионам», – указал Пан Ги Мун.

Во-вторых, знаковое событие для страны в целом – очередная Всероссийская перепись населения 2010 года, которая прошла в октябре месяце.

Ее цель состояла в получении широкого круга демографической и социально-экономической информации, характеризующей жителей как в целом по стране, так и по каждому населенному пункту, муниципальному образованию. При этом итоги, касающиеся распределению населения по гражданству, национальной принадлежности, владению языками, уровню образования, брачному состоянию, являются уникальными, поскольку отсутствуют другие равноценные источники информации.

Результаты переписи населения позволят получить информацию, характеризующие положение различных социально-демографических групп населения, дадут возможность рассчитать многие демографические показатели, которые необходимы для оценки финансовых затрат, направленных на реализацию мер социальной политики государства и отдельных регионов. Итоги переписи станут основой всех последующих оценок и расчетов, касающихся населения, включая информационное обеспечение пенсионной реформы, а также войдут составной частью во Всемирную перепись населения, проводимую по программе ООН раунда 2010 года.

Итоги переписи будут способствовать принятию решений не только по выходу России из кризиса, но и повышению уровня жизни уже в послекризисный период.

В апреле 2011 года будут подведены предварительные, а в IV квартале 2012 года – окончательные итоги. Официальная публикация окончательных итогов Всероссийской переписи населения 2010 года планируется в I квартале 2013 года.

В-третьих, отмечавшийся в октябре 2010 года юбилей – 175-летие Орловской статистики.

Это событие тоже пришлось на октябрь месяц 2010 года, в ознаменование которого в г. Орле была проведена научно-практическая конференция «Современная статистика и ее роль в эффективном управлении: проблемы и перспективы», которая собрала ученых и статистиков-практиков из многих регионов страны. Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Орловской области совместно с Агентством печати литературы «АПЛИТ» выпущен двухтомник страниц истории и фотолетописи Орловской службы государственной статистики.

	Численность незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости, тыс. человек	из них имеют статус безработного		
		тыс. человек	в % к	
			предыдущему месяцу	соответствующему месяцу предыдущего года
2009				
январь	8,4	7,1	117	125
февраль	9,6	8,6	122	154
март	9,6	8,6	99,7	167
апрель	9,4	8,4	98	172
май	9,6	8,4	99,8	171
июнь	9,9	8,4	100,3	177
июль	9,8	8,6	101	175
август	9,7	8,5	99,3	173
сентябрь	9,0	8,1	95	176
октябрь	8,7	7,8	97	176
ноябрь	8,6	7,8	99,9	162
декабрь	8,6	8,2	105	135
2010				
январь	9,6	8,7	106	122
февраль	9,8	9,1	105	106
март	9,7	9,0	98	104
апрель	9,0	8,5	94	100,4
май	8,5	7,9	93	94
июнь	7,9	7,3	93	87
июль	7,6	7,0	96	82
август	7,3	6,7	95	79
сентября	6,8	6,2	93	77
октября	6,8	6,2	99,4	79
ноябрь	6,9	6,2	99,7	79
декабрь	7,0	6,6	108	80

	Число малых предприятий (без микро-предприятий) на 1 октября 2010 г.		Всего замещенных рабочих мест (работников)		в том числе работников списочного состава (без внешних совместителей)		Оборот малых предприятий	
	единиц	в % к итогу	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	млн. рублей	в % к итогу
Всего	1073	100	36241	100	34216	100	25792,9	100
в том числе по видам экономической деятельности:								
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	87	8,1	4522	12,5	4491	13,1	1196,5	4,6
рыболовство, рыбоводство	...	...	...	...	...	...	...	...
добыча полезных ископаемых	5	0,5	85	0,2	83	0,2	11,9	0,1
обрабатывающие производства	267	24,9	7762	21,4	7328	21,4	3921,1	15,2
производство, распределение электроэнергии, газа и воды	19	1,8	598	1,7	516	1,5	203,8	0,8
строительство	145	13,5	4975	13,7	4847	14,2	1980,3	7,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	240	22,4	8691	24,0	8098	23,7	14467,2	56,1
гостиницы и рестораны	41	3,8	1222	3,4	1143	3,3	474,4	1,8
транспорт и связь	43	4,0	1135	3,1	1070	3,1	421,6	1,7
финансовая деятельность	...	...	...	...	...	...	...	...
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	187	17,4	6501	17,9	6064	17,7	2982,6	11,6
образование	4	0,4	154	0,4	90	0,3	34,7	0,1
здравоохранение и предоставление социальных услуг	8	0,7	151	0,4	115	0,3	34,7	0,1
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	24	2,2	367	1,0	310	0,9	63,3	0,2

	Количество предприятий на 1 октября 2010 года, тысяча единиц	Средняя численность работников списочного состава (без внешних совместителей), тысяча человек	Оборот, млн. рублей	Инвестиции в основной капитал (в части новых и приобретенных по импорту основных средств), млн. рублей
Российская Федерация	219.7	5575.2	7111547.9	163079.0
Центральный федеральный округ	68.3	1574.8	2430709.6	39981.5
Белгородская область	1.9	51.2	50688.6	2055.6
Брянская область	1.5	42.2	35633.9	580.3
Владимирская область	2.7	114.5	61545.3	819.3
Воронежская область	2.4	107.9	69261.2	8101.1
Ивановская область	1.6	36.3	49488.7	2600.8
Калужская область	1.9	60.4	70603.4	990.9
Костромская область	1.1	34.3	29976.4	441.8
Курская область	1.4	40.5	34028.2	306.1
Липецкая область	1.4	42.5	38424.0	1147.6
Московская область	16.2	317.6	606926.5	12974.2
Орловская область	1.1	34.2	25792.9	737.7
Рязанская область	2.0	52.0	46182.6	281.5
Смоленская область	1.7	43.1	37335.3	3409.9
Тамбовская область	1.4	41.8	32737.3	1900.8
Тверская область	2.5	59.0	57385.5	1100.3
Тульская область	2.5	72.3	60231.1	609.7
Ярославская область	2.7	65.7	73923.2	792.0
г. Москва	22.6	359.0	1050545.6	1131.9

	Средняя численность работников ² , всего		в том числе микро-предприятия		Оборот малых предприятий		в том числе микро-предприятия	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	млн. рублей	в % к итогу	млн. рублей	в % к итогу
Всего	48078	100	12548	100	45645,2	100	11521,3	100
в том числе организации с основным видом экономической деятельности:								
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5643	11,7	1276	10,2	2082,0	4,6	689,1	6,0
рыболовство, рыбоводство	43	0,1	15	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0
добыча полезных ископаемых	122	0,3	13	0,1	52,3	0,1	4,1	0,0
обрабатывающие производства	10472	21,8	1914	15,3	6025,1	13,2	1271,8	11,0
производство, распределение электроэнергии, газа и воды	683	1,4	114	0,9	284,2	0,6	86,8	0,8
строительство	5899	12,3	763	6,1	2852,2	6,2	381,6	3,3
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12120	25,2	5134	40,9	29616,6	64,9	7642,0	66,3
гостиницы и рестораны	1527	3,2	358	2,9	670,8	1,5	156,7	1,4
транспорт и связь	1838	3,8	495	3,9	903,0	2,0	248,2	2,2
финансовая деятельность	147	0,3	66	0,5	48,2	0,1	48,2	0,4
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8060	16,8	1852	14,8	2792,9	6,1	929,9	8,1
образование	190	0,4	24	0,2	56,5	0,1	4,3	0,0
здравоохранение и предоставление социальных услуг	395	0,8	248	2,0	83,4	0,2	19,6	0,2
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	937	1,9	274	2,2	177,7	0,4	38,8	0,3

Политическое участие молодежи в современном политическом процессе

А.А. Пушков, аспирант кафедры «Социология, культурология и политология» Орловского государственного технического университета

В рамках развивающихся уже более 20 лет демократических преобразований, целью которых является становление гражданского общества, важнейшим фактором этого процесса выступает активное политическое участие различных слоев населения. Именно становление децентрализованной политической системы, включающей в себя большое количество практик и институций, обеспечивающих взаимодействие общества с государством, основанной на добровольном, активном и рациональном участии акторов, является необходимым условием развития демократической системы. Политическое участие может осуществляться как посредством классических институций и практик (политические партии, митинги, демонстрации и т.д.), так и вновь создаваемых инновационных каналов (электронное правительство, интернет приемная Президента РФ), новых институций (Приемная Председателя правительства и т.д.).

Проблема политического участия особенно актуальна для современной молодежи, поскольку молодежь самая активная, мобильная и приспособленная к современной политической системе группа, которая обладает огромным потенциалом влияния на политическую сферу.

По мнению И.С. Кона, «молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств... Молодежь как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [1, С. 6].

Однако, согласно результатам социологических исследований, для российской молодежи свойственны пассивные и фрустрационные формы политического участия, которые сводят роль молодежи как субъекта политического процесса практически на «нет». В данной статье мы рассмотрим причины пассивности и незаинтересованности молодежи в политике.

«Главная цель политического участия современной российской молодежи – самоопределение, самоутверждение, самореализация, самоорганизация в том нормативно-правовом поле политической системы.... Таким образом, с помощью политического участия современная российская молодежь стремится придать себе некую востребованную обществом целостность, предстать в виде значимой социально-политической силы, способной воздействовать на формирующиеся социальные связи и политические отношения» [2, С. 103].

Многие российские исследователи устанавливают нижнюю возрастную границу молодежи – 14 лет, верхнюю – 30 лет. В настоящее время в РФ число людей в возрасте 14–30 лет составляет 25% всего населения России (более 33 миллионов человек), или 35% населения общества в трудовом возрасте. Молодежь является разнородной социальной группой, объединенной этапом биологического развития и социализации, поэтому целесообразно говорить о молодежи как о формальной социально-демографической группе, представители которой обладают неким единым возрастным статусом, в отношении которых присутствуют сходные общественные ожидания и стереотипы, на них воздействуют определенные социальные институты, они исполняют сходные социальные роли, и включены в общественную систему с определенной функциональностью.

Особенностью молодежи как специфической социальной группы является то, что она находится в процессе формирования своей политической субъективности – усваивает нормы, ценности, вырабатывает жизненные стратегии и обретает определенные социальные позиции. Отсюда важной функцией молодежи выступает, с одной стороны, воспроизводство существующих ценностей, норм, образцов поведения (т.е. поддержание стабильности общественной системы), с другой стороны, отрицание предыдущего социального опыта или его модификация и изменение.

Поэтому, говоря о молодежи, как о субъекте политического процесса, стоит отметить: во-первых, несформированность устойчивой системы политических диспозиций; во-вторых, молодежь потенциально политически наиболее активная и радикальная социальная группа; в-третьих, молодежь склонна абсолютизировать свои политические интересы, выстраивая собственную систему ценностей вокруг политических диспозиций; в-четвертых, молодежь, не обладая устойчивой системой диспозиций, является одной из самых подверженных манипуляции социальной группой; в-пятых, является одной из наиболее привлекательных возможностей повышения символического капитала для политических субъектов.

«В работах большинства современных отечественных и зарубежных ученых политическое участие трактуется как вовлечение членов социально-политической общности на индивидуальной или групповой основе в процесс политико-властных отношений внутри общества, между отдельными общностями или сообществами людей. Кроме того, оно рассматривается и как средство политической социализации и политического воспитания, как способ разрешения конфликтов, борьбы с бюрократией и политическим отчуждением граждан» [3, С. 69].

Политическое участие можно рассматривать как форму политического поведения, которое характеризуется, во-первых: степенью активной вовлеченности в конкретный политический процесс, т.е. отражает поведенческий аспект, участие в политической жизни общества. Во-вторых: политическое участие должно быть осознанным (т.е. являться результатом политического выбора), поэтому должно являться отражением политических диспозиций, групповых норм и ценностей и т.д.

Осознанность и рациональность политического участия – следствие того, что участие в политике позволяет реализовать определенные личные

потребности. В этом смысле участие в политике понимается в качестве одного из средств, используемых человеком для достижения своих собственных, индивидуально осознаваемых целей. Причем данная форма реализации личных потребностей формируется в процессе взаимодействия индивида с правительством, органами власти, другими политическими институтами и силами.

Политическое участие представляет собой многоуровневое явление. В связи с этим исследователи представили многочисленные модели его классификации:

- по видам – индивидуальное и коллективное, добровольное и принудительное, активное и пассивное, традиционное и новаторское, легитимное и нелегитимное, непосредственное и опосредованное;

- по типам – на местном, региональном, федеральном (национальном) уровнях;

- по формам – выборы (общегосударственного, регионального, местного уровня), участие в избирательных компаниях (членство в политической партии, помощь политическим партиям, присутствие на митингах или собраниях той или иной партии); индивидуальная политическая деятельность (самостоятельно или совместно с представителями местной, региональной и федеральной власти); неучастие в политической жизни государства и общества (отчуждение) [2, С. 102].

Среди конкретных форм политического участия можно выделить действия по делегированию полномочий (электоральное поведение); активистскую деятельность, направленную на поддержание кандидатов и партий в избирательных компаниях; посещение митингов и участие в демонстрациях; участие в деятельности партий и групп интересов и т.д.

Кроме поведенческого и рационального аспекта политического участия важным аспектом является вопрос о мотивах политического участия. Хантингтон предлагает в зависимости от мотивации действий различать два вида политического участия: автономное (выражает сознательно обусловленные формы политического поведения индивидов, получило распространение прежде всего в западных либеральных демократиях) и мобилизованное (вынужденное участие в политических действиях под давлением государства, воздействием страха, подкупа, долга и иных неполитических стимулов, характерно для традиционных обществ, авторитарных и тоталитарных политических режимов) [4, С. 239].

Стоит так же отметить, что политическое участие индивидов может быть реализовано не только посредством разнообразных «активных» политических практик (таких как голосование или демонстрации), но так же такие явления как политический абсентеизм и отсутствие интереса к политике можно рассматривать как пассивные (фрустрационные) формы политического участия. По мнению многих российских исследователей, для современной молодежи характерна такая форма политического участия, как политическое отчуждение, которое следует рассматривать как одну из форм участия молодого поколения в социально-политических отношениях.

Во-первых, политическое отчуждение развивается вне рамок политики, официально проводимой государством; во-вторых, как и политическое участие,

отражает способность личности к самоорганизации; в третьих, цели и мотивы политического отчуждения могут носить как созидательный, так и разрушительный характер... Политическое отчуждение способствует нивелированию личности молодых индивидов в определении стратегии и тактики политики, и утрате ими статуса актуализированного субъекта политической деятельности [2, С. 106].

Таким образом, политическое участие может являться как автономным, так и мобилизационным. Поведенческая составляющая политического участия может градироваться от прямого участия в принятии политических решений до безразличия и политического абсентеизма.

По нашему мнению, молодежь нельзя рассматривать как субъект реального политического процесса. Молодежь, как социальная группа, находится вне реального политического поля: либо осуществляя выбор из предложенных позиций внутри политического поля, в случае его плюрализма, либо воспроизводя право на обладание власти в традиционных и тоталитарных обществах. При этом тот или иной выбор, то или иное отношение к политическому полю, для каждой социальной группы, каждого отдельного индивида объясняется разнообразными мотивами и потребностями, и имеет разную пропорцию рациональности и аффективности. Политическое участие в современной России (и политическое участие вообще), может осуществляться лишь посредством существующих каналов взаимодействия общества и власти, для молодежи -это в первую очередь участие в электоральном голосовании, членство в политических партиях и молодежных движениях (как конвенциональная форма политического участия).

Таким образом, даже автономное политическое участие должно разворачиваться в контексте структуры существующей политической системы, его смысл и значения определяют символы и знаки данной системы, а формы и степень активности политического участия определяются политической культурой социума.

По мнению Щербакова, можно выделить следующие формы политического участия молодежи:

- активное политическое участие (членство в политической организации, выдвижение своей кандидатуры на выборах, политическая агитация, участие в различных политических мероприятиях помимо выборов);
- пассивное политическое участие (участие в голосованиях и референдумах, интерес к политическим новостям, событиям, субъектам);
- политический абсентеизм (отсутствие какой-либо политической активности) [5, стр.142].

За последние годы в России было проведено большое количество мониторинговых исследований, позволяющих рассмотреть практически все аспекты жизни и жизненных стратегий молодежи, в том числе место политики в системе ценностных ориентаций.

По данным исследования в системе ценностной ориентации молодежи преобладают рациональные индивидуалистские и инструментальные установки, их жизненные стратегии направлены в первую очередь на достижение материального достатка и престижной социальной позиции.

«К наиболее важным ценностям молодые люди относят: удачный брак и семью – 51%, карьеру – 48,9%, материальную обеспеченность – 43%, образование – 31,4%. Следующие позиции занимают права человека – 26%, свобода – 21%, порядок и защита – 16%. Значительно меньше молодежь беспокоят: совесть – 12%, демократия и держава – 7%, любовь к своей Родине – 5%».[6]

Данная структура ценностей говорит о стремлении молодежи к получению навыков, опыта, возможностей, необходимых для самореализации и достижения социального успеха.

Привлекательность участия в политике зависит от оценки молодежью потенциала политической сферы в реализации материальных потребностей, а не в поддержке абстрактных политических идей, реализации заявляемых прав и свобод политического субъекта.

В условиях несформированности ценностного ядра российского общества, молодой человек «растворяется» в культурном и социальном разнообразии социального пространства, поэтому особую роль начинает играть социальный референт, как социально-культурная репрезентация личности, определяющая идентичность социального субъекта.

Политическая идентичность, являясь одной из составляющих социальной идентичности личности, может выступать как критерий самоопределения и самоидентификации личности.

Престиж политического участия крайне низок, лишь для 4% опрошенных, политика является приоритетной сферой жизни. Для молодежи, согласно результатам исследования, важны: «учеба, образование» – 69%, «семья, дети, дом» – 67%, «работа, карьера, продвижение по службе» – 48%, несколько менее значимы – «досуг, развлечения, туризм» – 16%, «физическая культура, спорт» – 13%, «религия, вера» – 5% [6].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что молодежь не видит потенциала самореализации в политической сфере. Основная причина состоит в отсутствии структуры политического участия, механизмов политического рекрутирования из молодежной среды, системы положительных санкций и поощрений политического участия.

Авторы исследования отмечают: «утверждать..., что аполитичность современной молодежи носит тотальный характер, было бы неправильно. Более трети молодых россиян (34%) регулярно смотрят новости по телевидению, а еще 60% – иногда делают это. Каждый десятый (11%) живо интересуется аналитическими программами о современной политической и экономической жизни страны, а еще 51% опрошенных эти программы смотрят эпизодически. Более четверти молодых россиян (28%) постоянно читают печатную периодику (газеты, журналы), а, учитывая то, что многие черпают информацию из Интернета, становится очевидным, что современная молодежь «в курсе» того, что происходит как в стране, так и за ее пределами» [6].

Полученные результаты подтверждают тезис, что для российского общества характерен достаточно высокий вербальный интерес к политике, но при этом необходимо отметить, что в исследовании обойден стороной вопрос о мотивах политического выбора и политического участия молодежи. Политическое участие и политический выбор в современной России, по

нашему мнению, характеризуется высокой степенью иррациональности, которая выражается:

во-первых, в аффективности оценок и мнений, сформированных под воздействием СМИ, относительно стабильных на протяжении большого промежутка времени лишь за счет стабильности информационного окружения;

во-вторых, в отстраненности населения от политики, отсутствии доверия к политическим институтам.

Идеологические диспозиции молодежи противоречивы: «Так, более двух третей молодых респондентов (68%) считают, что «Права и свободы личности – главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага всего государства и общества» (ограничения прав и свобод личности в интересах государства и общества допускают 32%). И одновременно 64% опрошенных полагают, что «Возрождение мощи и величия России невозможно без укрепления государственной власти», очевидно не сильно задумываясь об определенных ограничениях суверенитета личности, как правило, сопровождающих укрепление государства и рост его полномочий.

Также две трети (67%) респондентов считают более справедливым то «общество, в котором доходы человека... могут ощутимо различаться», и в то же время больше половины (51%) призывают государство «более жестко контролировать бизнес», который, как известно, только и может дать существенный прирост личных доходов [6].

Последнее десятилетие ознаменовалось деидеологизацией всего общества в целом и молодежи в частности: «...с 41% до 58% выросло число тех, кто себя никак идеологически не идентифицирует.

Общая деидеологизация массового сознания и повышение идеологической толерантности (то есть, идеологической всеядности и/или «пофигизма») молодежи особенно заметно при анализе ответов на вопросы о согласии с определенным набором идеологических суждений» [6].

Отсутствие идеологических диспозиций говорит о низкой политической идентичности молодежи.

Полученные результаты опровергают стереотип о политической радикальности молодежи: «В ситуации резкого ухудшения условий жизни готовы выйти на улицу и протестовать 17% респондентов старшего поколения и 11% молодых респондентов. «Идти на баррикады» и с оружием в руках отстаивать свои интересы готовы равное число, как молодых, так и старших россиян (по 4% соответственно). При этом хорошо известна огромная дистанция между декларируемым намерением и реальным действием. Как настоящие, так и многие другие исследования свидетельствуют, что уровень протестной уличной активности во всех группах населения не превышает 3–4%» [6].

Эти результаты в полной мере подтверждают тезис о политической пассивности молодежи. Можно утверждать, что среди молодежи распространены аполитичность сознания и пассивность в отношении политики. Именно в этом «идеологическом болоте», а не в небольших группах молодых радикалов, заключен дестабилизирующий потенциал молодежи. Идеологическая неразборчивость и беспринципность, непонимание последствий своих действий, инфантильность, тяга к приобретению кратковременных

символов власти и престижа, подверженность политическому манипулированию делает возможным использование молодежи, как дестабилизирующей силы общественной системы подобно событиям, произошедшим в Грузии и в Украине начала тысячелетия.

Анализируя конкретные виды политического участия можно отметить, что лишь 2 % молодежи непосредственно участвуют в политике, 49% опрошенных вообще не участвуют в общественной и политической жизни [6].

Политические молодежные движения в политической теории рассматриваются как институты, обеспечивающие участие молодежи в политике, цель которых выражение политических позиций и реализация политической субъективности молодежи. Среди задач, которые, по мнению молодых людей, должна решать молодежная организация, на первый план выступают следующие: «помогать в разрешении молодежных проблем» – 71,3%, «привлекать молодежь к участию в важных общественных делах» – 40,0%, «давать возможность молодым людям объединиться ради одной общей цели» и «вести пропаганду здорового образа жизни» по 22,5%.

Опросы показали, что можно выделить три аспекта, характеризующих роль молодежных организаций в политическом участии молодежи:

Во-первых, несмотря на большое количество молодежных организаций интерес к ним крайне низок. Лишь 18% что-то знают или слышали о деятельности молодежных организаций и движений, в то время как более половины опрошенных (51%) ничего о них не знают, а еще 30% затруднились с ответом [6].

Во-вторых, неоформленность мнений и оценок молодежи относительно молодежных организаций. Ровно половина опрошенной молодежи (50%) не смогла или не захотела выразить свои симпатии какому-либо из существующих в современной России молодежному объединению [6].

В-третьих, наибольшей поддержкой пользуются молодежные организации, санкционированные государственной властью, что говорит об общей толерантности молодежи к существующей власти. Симпатии молодежи распределены следующим образом: «Молодая гвардия» (11,9%) и движению «Наши» (6,3%). Демократические молодежные организации (СПС, «Яблоко») пользуются поддержкой чуть более 3% молодежи. Левые молодежные организации вызывают несколько большую поддержку (4–5%). Примерно столько же симпатизирует национал-патристическим молодежным движениям» [6].

Сделав вывод о политической пассивности молодежи, необходимо обратиться к причинам отсутствия интереса и отчужденности от политики молодого поколения. По нашему мнению, причинами политической пассивности молодежи являются:

1. Особенности российской ментальности, которые выражаются:

во-первых, в превалировании мобилизационных мотивов политического участия. Как отмечает Ю. Левада, «советское общество формировалось как мобилизационное, сохраняющее за политическим центром монополию власти, инициативы и критериев оценки. В такой системе политическая деятельность сводилась к централизованному манипулированию («управлению») массовым поведением и сознанием» [5, С. 139];

во-вторых, в российском сознании распространен подданныческий тип политической культуры. По мнению А. И. Шендрик, «в России по-прежнему

существует подданныческий тип политической культуры», для которой характерно восприятие государства как высшей ценности, превосходящей по своей значимости ценность человеческой личности, ориентация на государственные структуры как способные оказать поддержку и помощь любому индивиду, ограничение личной свободы в целях государственной целесообразности. Патерналистская установка прочно закреплена в структурах массового сознания, чем объясняется поддержка избирателями тех политических деятелей, которые ратуют за восстановление ведущей роли государства в экономике, культуре, духовной жизни» [7, С. 26];

2. В российском обществе отсутствуют: четкая структура институций и практик политического участия молодежи, каналов взаимодействия общества и государства, механизмов политической мобильности и рекрутирования политически активных индивидов, из-за чего молодежь не находит возможности самореализации и самоактуализации посредством политического участия.

3. Низкая значимость политической сферы, деидеологизированность и аполитичность сознания детерминируют распространение среди молодежи негативных установок по отношению к политически активным молодым людям, применение к ним группового давления и неформальных санкций.

Подводя итог исследованию, необходимо отметить, что политическая культура, складывающаяся в молодежной среде, характеризуемая аполитичностью, деидеологизированностью и отчужденностью от политики, не просто воспроизводит аполитичные и пассивные формы участия, отодвигая политику на «вторые места» в системе ценностных ориентаций, порождая фрустрационный бесперспективный «ореол» политической сферы; она в первую очередь создает барьер между политикой и самой потенциально политически активной группой – молодежью.

С другой стороны: исторический опыт России и анализ современной политической ситуации говорят о возможности роста политического участия за счет создания структуры институций и практик политического участия, и изменения установок и стереотипов молодого поколения в отношении политической сферы.

Вывод о генетической пассивности и историческом превалировании мобилизационных мотивов политического участия в российском социуме верен лишь отчасти. Советское государство, обладая единственным легальным институтом политического участия – коммунистической партией, выстроило мощную структуру рекрутирования политически активных кадров, легитимируя политическое участие, как механизм социальной мобильности, выстроив систему поощрений политического участия. Несмотря на идеологизированность, коммунистическая партия являла собой эффективный механизм взаимодействия между обществом, активными политическими группами и государственным аппаратом. В контексте, складывающейся в современной России (а, по сути, реально существующей) однопартийной системы, создание на базе партии, пользующейся полной поддержкой государства механизмов легитимации политического участия и делегирования власти, выглядит наиболее перспективным, тем более такой путь повышения политической активности масс соответствует историческому политическому опыту России.

В условиях рационализации отношения к политике и деидеологизации политического сознания, привлечения молодежи к активному политическому участию, можно лишь заложив в основу участия в политике возможности реализации материальных потребностей, обретения социального статуса и престижа за счет участия в молодежных организациях. Необходимо так же отметить, что хотя политический радикализм молодежи безусловно переоценен, именно радикальные и оппозиционные партии остаются для активной и политически перспективной молодежи единственным механизмом реализации собственной политической субъективности.

Проблемным для современной России является то, что большая часть молодежи, составляющая «идеологическое болото», может поддержать любую политическую силу, не задумываясь о последствиях. Осознавая эту опасность, государство приурочивает к периодам политической нестабильности (прежде всего к выборам), активизацию деятельности проправительственных молодежных движений, которые после окончания этих периодов либо прекращают своё существование, либо их активность переходит в вялотекущую фазу. При этом государство использует при создании кратковременных «целевых» молодежных движений механизмы, идентичные тем, которые используют потенциально дестабилизирующие политические силы:

- массовый набор членов на непродолжительный период;
- использование материального и нематериального поощрения участия в политических акциях;
- выстраивание идеологии вокруг образа врага, как внешнего, так и поиск его внутри общества;
- тяга к театральности, массовости и масштабности;
- широкое использование механизмов манипулирования сознанием и СМИ.

При этом создание проправительственных молодежных организаций имеет так же два характерных отличия: во-первых, активное использование административных ресурсов; во-вторых, слабая идеологическая составляющая. Государственный аппарат современной России так и не выработал четкой идеологии, символический капитал государственной власти строится на личном доверии двум государственным лидерам – президенту и председателю правительства. К тому же протест обладает большим потенциалом политического участия. Такое явное манипулирование и «пользовательское» отношение власти еще больше отдаляет молодежь от политики.

В современном обществе в условиях потери генетической социальной идентичности, где референт внешних признаков заменяет личность, возможность символического заёма капитала самоидентификации и репрезентации открывает возможности для создания молодежных движений, с которыми молодежь будет себя идентифицировать, определяя через причастность к ним свои политические и социальные диспозиции. Кризис идентичности еще больше усиливается в условиях увеличения периода юности, как социальной маргинальности – отсутствия социального статуса, устойчивой системы норм и ценностей.

Опыт мобилизационных молодежных движений показывает, что молодежь легко принимает символическую оболочку и спекулятивную политическую идентичность, формирует собственную политическую мифологию

вокруг навязываемых ей симулякров (не несущих четкой смысловой составляющей, лишь аффективные эмоциональные коннотации) и так же просто теряет эту идентичность.

Такое молодежное движение, главной целью которого является создание политической идентичности, как социального референта, имеющие деидеологизированный характер, направленное на реализацию потребности молодежи в рекреации и совместном времяпрепровождении имеет огромный потенциал привлечения молодежи. По нашему мнению политическую активность невозможно воспитать и привить, так как политические идеи потеряли свой потенциал социальных изменений и мобилизации больших социальных групп. Опыт современности показывает, что на место социальных и идеологических антагонизмов выходят расовые и религиозные. Но активизация политического участия за счет этнических и религиозных конфликтов для многонациональной и многоконфессиональной России является неприемлемым.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, активизация политической активности молодежи возможна за счет:

- во-первых, создания на базе партии, пользующейся абсолютной поддержкой государства, четкой структуры политического рекрутирования, механизмов делегирования полномочий, обеспечения преимуществ в реализации потребностей молодежи за счет политического участия;

- во-вторых, молодежных организаций, носящих деидеологизированный и реакриционный характер, позволяющих пассивной части молодежи обрести спекулятивную политическую идентичность, которую они будут использовать как социальный референт, обозначающий их социальные и политические диспозиции, и тем самым делающие их субъектами политического процесса.

Литература

1. Кон И.С. Диалектика развития современной молодежи – М., 2006.
2. Лупандин В.К. Формирование потенциала политического участия молодежи в современной России // Формирование и развитие человеческого ресурса в условиях социальной трансформации современного общества: сборник научных трудов. – Орел: ОрелГТУ, 2009.
3. Политологический словарь. Ч. 2. – Изд-во «Луч», 1994.
4. Зарубежная политология: Словарь-справочник. / Под ред. А.В. Мирнова, Г.А. Цыганкова. – М.: Социально-политический журнал, Независимый открытый университет, 1998.
5. Щербакова И.В. Социальные и социально-психологические механизмы формирования политической идентичности молодежи: теоретические аспекты // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология, – № 1, 2004.
6. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад академии социологии РАН http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html
7. Метаморфозы массового сознания россиян («Круглый стол») А.И. Афанасьева, А.Б. Лиханова. // Социологические исследования, № 5, 2009.